

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

**ДИКТАТУРА
ГУРОВА**

Полковник Гуров

Николай Леонов

Диктатура Гурова (сборник)

«ЭКСМО»

2013

Леонов Н. И.

Диктатура Гурова (сборник) / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2013 — (Полковник Гуров)

Заместитель министра внутренних дел поручает полковнику Гурову разобраться с ситуацией в одной из сибирских областей, где резко возросло количество преступлений на национальной почве, а в городке Новоленске вспыхнула настоящая война между сибиряками и приезжими из Китая. Гуров начинает расследование и очень скоро приходит к выводу, что конфликт между коренным населением и гостями из Поднебесной спровоцирован намеренно. Но кем? Найти ответ на этот вопрос оказывается не так-то просто: местные правоохранительные органы почему-то не настроены на сотрудничество со столичным сыщиком, они не только не помогают ему, но и всячески стараются помешать...

© Леонов Н. И., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Диктатура Гурова	5
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Николай Леонов, Алексей Макеев

Диктатура Гурова (сборник)

Диктатура Гурова

Мечтать не вредно – это знают все. А вот полковники-«важняки» Лев Иванович Гуров и Станислав Васильевич Крячко на собственном горьком опыте убедились, что еще и бесполезно. Так стоит ли травить себе душу надеждами провести приближающиеся майские праздники на даче у Стаса, если в любой момент где-то кого-то убьют или еще что-то случится и их сорвут с любого отдыха? Вот и этим апрельским днем они просто сидели и работали, потому что писанины набралось выше крыши, только куда же без нее?

Гуров с момента появления в России сотовых телефонов имел два мобильника: один – для дел повседневных, а второй, зарегистрированный на доверенного человека, – для особой связи. И сейчас он недовольно поморщился, услышав, как затрезвонил именно второй. Посмотрев на входящий номер, он увидел, что это Рыбовод, как они называли за глаза заместителя своего министра из-за стоявшего у него в кабинете большого аквариума с рыбками.

– Гуров! Я тебя прошу немедленно приехать ко мне домой! – приказным тоном «попросил» тот.

– Что-то случилось, Андрей Сергеевич? – спросил Лев, хотя и так было понятно, что не на чай с плюшками его приглашают.

– Саша прилетел, – кратко, но исчерпывающе ответил замминистра.

– Уже выезжаю, – пообещал Лев.

Не успел он отключить телефон, как Крячко язвительно заметил:

– Господи! С каким великим человеком я в одном кабинете сижу! Сам замминистра к нему запросто напрямую обращается. Ну почему у меня таких друзей нет?

– Стас! Он ко мне не обращается, а запросто выдергивает с работы со своекорыстным интересом! – поправил его Гуров и объяснил: – В Новоленске опять что-то стряслось, раз Саша прямиком к нему отправился.

– А куда ему еще идти, если не к дяде собственной жены? – удивился Крячко. – Не к Орлову же! Он с ним даже не знаком. И потом, Петр своей властью нас туда откомандировать не сможет, тут распоряжение сверху должно быть. Видимо, действительно что-то серьезное там произошло, – вздохнул он. – И чего мужикам спокойно не живется?

– Они бы и рады, да только кто бы им дал, – усмехнулся Лев. – Ты, Стас, заканчивай уж всю писанину один, а я поеду и узнаю, что нам с тобой судьба в лице Романова на этот раз приготовила.

– Майские праздники в Якутии, что же еще? – хмыкнул Стас. – Нет, я, конечно, буду только рад лишний раз с мужиками повидаться, но, как говорится, лучше уж вы к нам!

Гуров был уже возле двери, когда его остановил вопрос Крячко:

– Лева! Орлову сообщить, что тебя Рыбовод дернул?

– Думаю, Петр уже распорядился, чтобы нам командировочные удостоверения выписали и все остальное приготовили, – не поворачиваясь, ответил Гуров и вышел.

Генерал-майор Петр Николаевич Орлов был начальником Гурова и Крячко, а еще третьим и самым старшим в этой компании друзей. А человек, фамильярно именуемый ими Сашей, был губернатором Новоленской области Александром Александровичем Романовым, которого они оба прекрасно знали. Правил тот не очень давно, сменив на этом посту своего тестя, а остальные мужики в этой тесной сибирской компании занимали ключевые позиции

в регионе и держали его в ежовых рукавицах, против чего никто не возражал – глупо кусать руку, которая тебя кормит, поит, одевает, обувает и защищает от всевозможных бед.

Приехав по знакомому адресу в Новых Черемушках, Лев поднялся в квартиру замминистра, и дверь ему открыл Саша, объяснив:

– Тетя Лиза в магазин ушла. Пошли на кухню!

«И почему всегда все серьезные разговоры в России происходят именно в кухне? Наверное, это еще одна тайна загадочной русской души», – мысленно усмехнулся Гуров, но, приставившись к озабоченному лицу Романова, понял, что тому не до смеха.

– Привет, Саша! – сказал Лев, садясь к столу. – Рассказывай, что стряслось!

– А то, что у нас в городе что ни день, то новая напасть, – буркнул тот.

– Ну, излагай все с самого начала, – потребовал Лев.

Романов задумался, глядя в окно, а потом достал пачку сигарет и закурил.

– Саша! Ты же не куришь! – удивился Гуров.

– От такой жизни я скоро и пить начну, – хмуро заметил тот, а потом, пожав плечами, недоуменно сказал: – Знаешь, Лева, все как-то так сразу началось.

– Ох, Саша-Саша! – вздохнул Лев. – Когда все вот так обвально начинается, этому предшествует длительная подготовка, которую вы все благополучно прошаляли!

– Что ты от нас хочешь? – взвился Романов – видно, нервишки уже начали пошаливать. – Ты же Афоню видел! Предан, как собака! Что правда, то правда! Только если вот здесь, – он постучал себя по лбу, – нет, то в лавочке не купишь!

Афанасий Семенович Кедров был начальником областного управления внутренних дел, поставленным на эту должность по причине безоглядной личной преданности, потому что других достоинств за ним не водилось.

– Ты же к нам начальником пойти отказался! И Стас – тоже! – продолжал бушевать Саша. – Только напоминаю, вы обещали, если что-то случится, прилететь и помочь! Или ты забыл?

– Все помню, – кивнул ему Гуров. – Но я пока не знаю, в чем проблема.

– Да все кувырком пошло, – горестно махнул рукой Романов.

– Ладно, давай я начну, – предложил Лев. – Так, ты царствуешь с сентября. А поскольку губернатор не имеет права заниматься предпринимательской деятельностью, кто вместо тебя сейчас возглавляет Новоленское отделение ЗАО «Сибирь-матушка»?

– Степка Савельев, – ответил Саша. – Он к нам после Нового года перебрался. Но он только лесом и пушниной занимается, потому что теплицы и оранжереи – это уже мое собственное и к нашей фирме отношения не имеют. Мы ему бывший губернаторский дом во временное пользование отдали, все равно ведь пустует.

– Степан в Якутии, – усмехнулся Гуров. – Надо же, как жизнь человека кидает! Родился в Средней Азии, младенцем был перевезен в Астрахань, уже в относительно зрелом возрасте переехал с родными к наконец-то нашедшемуся отцу в Москву, а теперь вот – Сибирь! Чего же его туда потянуло?

– А черт его знает, чего ему в столице не жилось? Сказал, что отец в его годы уже свой собственный бизнес создал, а он в Москве дурью мается! Вот и решили дать ему возможность потренироваться на кошечках.

– Ну и как? Справляется? – поинтересовался Лев.

– Дело я поставил так, что теперь за ним только следить и остается, и нужно очень сильно постараться, чтобы что-то завалить, – сказал он, но тон его Гурову не понравился, и он вцепился в Сашу мертвой хваткой.

– А ну, давай начистоту! Что с парнем не так?

– Видишь ли, Лева, мы ведь, когда свое дело создавали, не только деньги и силы, но и душу в него вкладывали, да и потом так же относились. А он просто повинность отбывает.

Не его это, понимаешь? – в сердцах ответил Саша. – Я уже и с его отцом, и с остальными разговаривал, и все согласились, что надо его менять. Пусть в Москву возвращается. Но вот где нового человека найти, чтобы хозяином стал настоящим и за дело болел, ума не приложу.

– Ну, с работой понятно, а в остальном как он?

– К нам он ко всем со всем возможным уважением. Мы его в свой круг ввели – Колькин же сын, не чужак со стороны. Ему сначала все интересно было, он у всех на производстве побывал, всю область объездил. Мы его с детьми познакомили – он же к ним по возрасту ближе, не с нами же, стариками, ему сидеть. Он начал было с ними общаться, даже подружился кое с кем, на охоту вместе ездили, в баню ходили, а потом вдруг откололся и стал особняком держаться.

– А-а-а! Так вам просто не удалось еще один династический брак заключить, – рассмеялся Лев. – У кого там дочки незамужние остались?

– У Витальки младшая и у Матвея средняя еще не пристроены, только при чем тут династический брак? – удивился Романов.

– Ну как же? Деньги должны жениться на деньгах и рождают деньги, – перефразировал Гуров известное выражение. – То-то у вас все отцы города между собой в родстве. Только не пойму я, их дети добровольно на такие браки соглашаются или под угрозой лишения наследства? А как же любовь?

– Лева! Если ты не забыл, то у нас Сибирь! И морозы наши к буйству чувств не располагают! – очень серьезно ответил Саша. – Потому и живем мы, руководствуясь головой, а не другими органами. Думаю, ты понимаешь, какими именно. И никто никого насильно не женит! Понравились люди друг другу – честным пирком да за свадебку! Слава богу, есть из кого выбрать себе вторую половину!

– Кстати, как Виталькина жена?

– Погибла, – вздохнул Саша.

– То есть как погибла? – воскликнул Гуров. – Ты хотел сказать – умерла? У нее же рак был!

– Что хотел сказать, то и сказал! – отрезал Романов.

– Ладно, опустим. Так что со Степаном не так? Никто из девушек ему не понравился, так это дело житейское. И потом, может, он от несчастной любви в Сибирь сбежал?

– Интересно, где же он в ваших московских ночных клубах, по которым на собственном «Бентли» рассекал, эту несчастную любовь встретил? – насмешливо спросил Саша. – Или, может, она в его собственной квартире, которую ему Колька в центре Москвы купил, под кроватью завалилась?

– Тогда скорее уж на кровати, – хмыкнул Лев.

– И от этой несчастной любви бедненький Степан, когда ему у нас все надоело, начал каждые выходные в Якутск развлекаться летать, благо служебный вертолет имеется? – уже зло продолжал Романов. – Правда, топливо из своего кармана оплачивает, – ради справедливости заметил он. – А еще неделю назад оттуда в Новоленск любовницу свою с братом привез! Слава богу, что хоть в дом не потащил, а в гостинице поселил! Наверное, чтобы уж окончательно перед нами не срамиться. Когда он только зачудил, это уже побольше месяца назад будет, мы подумали, может, случилось у него чего, стали спрашивать. А он отнекивался: все, мол, в порядке, а сам в Якутск зачастил. А уж как он эту девку привез, мы все от него отвернулись. По работе я с ним разговариваю, конечно, но вот в доме моем его ноги больше не будет.

– А неприятности в городе когда начались?

– Могу даже точную дату назвать – 20 марта, – сказал Романов.

– То есть после того, как он зачудил, – сделал вывод Гуров.

– Лева! Ты думаешь, это с ним связано? – обалдел Саша.

– Что я тебе могу сказать, если еще даже не знаю, что это за неприятности такие, – пожал плечами Лев. – Рассказывай, а там посмотрим.

– Ну, о том, что у нас в области работает много китайцев, ты не хуже меня знаешь. Уже больше десяти лет работают, и никогда никаких столкновений между ними и местным населением не было. А тут вдруг в одну ночь почти на всех стенах и заборах в городе появились надписи, сделанные аэрозольной краской: «Китаёзы! Вон из России!» Мы все это закрасили, и больше такие надписи не появлялись, но сам понимаешь, что китайцам после этого в городе неуютно стало.

– Откуда краска взялась?

– В том-то и дело, что никто ее не покупал, – развел руками Саша. – Сколько ее в магазинах было, столько и осталось – не сезон! Потом какие-то сволочи ночью все наши дворы петардами забросали. Мой, Виталькин, Генкин, Матвея, Борьки, Максима, да и в губернаторский тоже кинули. Жена у Витальки и так слабая была, а как во дворе ночью рвануло, так у нее сердце и не выдержало.

– Так вот как она погибла! – воскликнул Лев.

– Ну да! Она же с ним через все мытарства прошла, а в него и стреляли, и машину подрывали, пока он дело свое создавал. Вот, видимо, и подумала, что опять все началось, что с мужем ее или с детьми да внуками беда приключилась, и...

– Какая же сволочь это сделала? – взорвался Гуров. – Тут в новогоднюю ночь, когда уже знаешь, что петарды взрываться будут, это и то на нервы действует, а если так неожиданно, да еще рядом! Но вы хоть что-то выяснили?

– По надписям – ничего, а вот мальчишку одного из интерната, который петарды так не вовремя покупал, продавщица запомнила и опознала. Ему всего тринадцать лет, но молчит, поганец, как партизан! Так мы от него ничего и не добились! Но на этом дело не кончилось. Музей наш разгромили! Правда, потом уже выяснилось, что не все там так страшно, ничего не украли, а больше раскидали и стены той же краской исписали. И это после ремонта!

– Руки бы этим паразитам оторвать! – не сдержался Гуров. – Что же вы сторожа не наняли?

– В том-то и дело, что был там сторож! Муж с женой Тугоуховы, что как раз напротив живут, там через ночь дежурили. Как старик сказал, им с женой теперь по ночам делать нечего, так хоть к пенсии немного подзаработают. Вот и подзаработал по голове. Не выжил он, к сожалению, но успел рассказать, как дело было. Он дежурил, когда вдруг девчонка одна начала в дверь изо всех сил колотить и кричать, что за ней хулиганы гонятся. Он удивился, потому что у нас в городе уже давным-давно по ночам тихо, но открыл – а то вдруг и правда ее обидеть хотят. Впустил, собирался в полицию позвонить, повернулся к ней спиной и получил чем-то тяжелым по голове! Наряд мимо проезжал и увидел, что дверь открыта. Вошли, а там он на полу с окровавленной головой, стены матом исписаны, часть вещей на пол сброшена и все прочие прелести.

– Но сторож эту девку разглядел?

– Так она же спиной к фонарю стояла, он лица и не увидел толком. Сказал только, что волосы у нее рыжие были. Внук их на похороны приехал и бабушку потом к себе забрал.

– Это все неприятности? – спросил Лев.

– Если бы! – вздохнул Саша. – Потом какие-то подонки стали по ночам на китайцев нападать. А ведь некоторые из них или допоздна работают, или выходят из общежития рано-рано утром! Вот их-то и стали подкарауливать! Обошлось, слава богу, без трупов, но двух китайцев, что самыми первыми пострадали, пришлось в больницу отправлять. Их через переводчика допросили, и оказалось, что пять человек в черных масках налетели в темном месте. Но даже не будь этих масок, они бы все равно описать никого не смогли: как они для нас на одно лицо, так и мы для них.

– То есть избивают только тех, кто работает и живет в городе?

– Да! После того как это в первый раз случилось, мы предупредили всех остальных, чтобы, пока мы во всем не разберемся, они в город не ездили. Только этим дело не закончилось! Ты знаешь, что мы по контрактам только мужчин-китайцев нанимаем, а женщина лишь одна – Люся, дочь портного Леша. Так ее, мы думаем, изнасиловать пытались!

– Чего?! – заорал Лев.

– То, что слышал! Она с дедом и его портняжками из центрального ателье поздно вечером вышла, и они в разные стороны разошлись, потому что старику с семьей мы дом предоставили, а вот его подручные в общежитии живут. Хорошо, что парни недалеко отойти успели. Короче, на Лешу с внучкой пять этих отморожков напали. Его по голове ударили, а ее схватили и потащили куда-то. Она, естественно, орала, как резаная, вот подмастерья и услышали. Прибежали и на этих подонков набросились. Досталось китайцам неслабо, но ее они отбили. Люся тут же в Китай вернулась – ни у кого из нас даже язык не повернулся уговаривать ее остаться, а Леша заявил, что раз в городе так опасно стало, то он контракт продлевать не будет. А этого, сам понимаешь, никому не хочется.

– Ну и замес там у вас! – покачал головой Лев.

– И это еще не все, – безрадостно сказал Саша. – У нас в интернате учитель физкультуры спортивную секцию организовал, и многие старшеклассники – и мальчишки, и девчонки – к нему тренироваться ходят. Борька им в одном из своих зданий для этих целей подвал выделил, мы его отремонтировали, снаряды всякие, тренажеры купили. Только в начале месяца его кто-то вечером встретил, и лежит он теперь в больнице с переломами обеих ног. Его до того крепко отделали, что светит ему инвалидность. Но подростки все равно продолжают в эту секцию ходить и самостоятельно тренироваться, а в выходные так целыми днями там пропадают. А потом в интернате странные дела начали твориться. По утрам, случается, нескольких старшеклассников с побитыми лицами обнаруживают. И ведь молчат, паразиты! Хоть бы кто-нибудь словечко сказал, кто их так и за что. А ведь парни все здоровые, тренированные.

– Ну, теперь-то все? – спросил Гуров, и Саша кивнул. – Документы привез?

– Да, все отсканировал, как знал, что ты заранее посмотреть захочешь, – Саша протянул ему лежавшую на подоконнике папку.

Лев принялся изучать документы. Закончив, он задумался, а потом спросил:

– Кто у тебя в области здравоохранением заведует?

– У меня штат маленький, на социалке, включая медицину, сидит один человек, а фактически всем командует Тамара – это Борькина жена. Она теперь главврач больницы, да и все аптеки в городе тоже у этой семьи.

– Очень хорошо! – обрадовался Лев. – А теперь бери лист бумаги и пиши, что нужно будет сделать, пока мы с тобой в Новоленск не прилетим.

Романов с готовностью вытащил из кармана блокнот с ручкой и, с надеждой глядя на Гурова, приготовился записывать.

– Первое. Мне нужен список всех людей, которые за последний год приехали в Новоленск на постоянное местожительство или просто на длительный срок. И мужчин, и женщин, независимо от возраста, занимаемого положения и социального статуса, чьими бы родственниками или друзьями они ни были.

– Сделают, хотя таких немного наберется. Вот учитель физкультуры из Якутска приехал, когда предыдущий погиб.

– А что с тем случилось? – спросил Лев.

– Да он еще летом в бассейне утонул, несчастный случай, – объяснил Саша и стал вспоминать дальше. – У Кедрова новый зам – полковник Сафонов Вячеслав Николаевич. Это Генкин родственник – муж его свояченицы. Он раньше в Тамбове работал, может, слышал о таком?

– Угу, – покивал Гуров и ничего больше не сказал, потому что действительно знал Сафонова. – Кто еще?

– Да так сразу и не вспомнишь, не тем голова занята.

– Ладно, тогда пойдем дальше, – продолжил Лев. – Второе. Пусть Тамара пополнит запас всего необходимого для того, чтобы по возможности одновременно провести диспансеризацию старшеклассников, которые учатся и в интернате, и в обычных школах.

– Так мы им комплексный медосмотр еще осенью, сразу после начала учебного года проводили, – удивился Саша.

– Ничего! Еще раз проведете! – настаивал Гуров. – Типа – это новое требование Москвы или еще что-нибудь придумаешь. Главное, чтобы шприцов, банок и реактивов хватило.

– Хорошо! – подумав, сказал Романов. – Я ей скажу, что в правительстве готовится программа по комплексному обследованию детей Сибири, так нелишним нам будет подсуетиться, чтобы потом первыми отрапортовать, и она все сделает. Врачом она всегда была так себе, но вот организатор – от бога!

– Что она за человек? Молчать умеет? – поинтересовался Лев.

– Баба – кремь! Если надо, даже Борьке ничего не скажет. Уже не раз проверено. А в чем дело? – насторожился Саша.

– А в том, что провести всю эту подготовку ей нужно будет, не привлекая внимания, чтобы потом всех в один день осмотреть. Сможет?

– Даже не сомневайся! Но зачем? – настаивал Романов.

– Потом объясню, – пообещал Гуров и очень серьезно сказал: – Главное, ты до поры до времени будешь молчать не только о подготовке к медосмотру и его результатах, но и обо всем, что я буду там у вас делать.

– А как же мужики? – удивился Саша, имея в виду остальных отцов города.

– Вот когда я во всем разберусь, тогда и узнают, но не раньше.

– Мне это не нравится! – решительно заявил Романов.

– Саша! Так надо! – жестко заявил Гуров. – И вообще, давай договоримся сразу: ты не будешь задавать мне вопросов, ты не будешь требовать каких-либо объяснений, ты будешь просто выполнять то, что я скажу. И основания для таких требований у меня есть. Если тебя это не устраивает, давай прощаться.

– Ты не оставляешь мне выбора, – сердито пробормотал тот.

– Да, не оставляю! Тебе тесть область доверил, а там черт-те что творится! Кстати, он уже знает, что произошло? – поинтересовался Лев.

– В общих чертах – мы же после тех петард всех детей к нему в Анапу отправили, от греха подальше, – сказал Саша. – И не приведи Бог, если он все в подробностях узнает! Он тогда тут же прилетит и меня живьем съест!

– И правильно сделает! И еще хочу предупредить, что с полицией я, по-видимому, буду контактировать по минимуму, а вот с Фатеевым и его бойцами – очень тесно работать, – добавил Гуров. – И основания для этого у меня тоже есть.

Генерал Федор Васильевич Фатеев возглавлял объединенные службы безопасности отцов города и был человеком жестким, но справедливым, да и дело свое знал отлично. Уж в ком, а в нем Гуров не сомневался ни секунды.

– Ладно! Как скажешь, так и будет, – вынужден был согласиться Романов.

– И еще одно неперемное условие! – уже почти зло сказал Лев.

– Лева! Любое! – с готовностью заверил его Саша.

– Если вы, паразиты, еще раз хоть что-нибудь моей жене подарите, то больше ко мне ни с какими вопросами не обращайтесь! На меня уже и так косо смотрят, а за спиной шушукаются, что у Гурова, мол, жена на навороченном джипе ездит, вдруг начала шубы менять и бриллиантами сверкать. Что Гуров только с виду такой честный, а на самом деле его неподкупность

– одна фикция! Что берет он по-крупному, но у очень немногих людей! Мне на старости лет такая слава нужна? Я свою репутацию всю жизнь зарабатывал не для того, чтобы теперь из-за ваших подарков меня продажной сволочью начали считать! Ты все понял? – почти крикнул он.

– Лева! – растерянным, извиняющимся тоном сказал Романов. – Мы даже предположить не могли, что дело так обернется! Мы же от всей души! Хотели, как лучше!

– А получилось, как всегда, – хмуро бросил Гуров, который, отчитав Сашку, немного остыл. – Когда вылетаем? Завтра? Потому что на сегодняшний рейс мы явно опоздали.

– Нет, Лева! – покачал головой Саша. – Мы вылетаем сегодня. Придется лететь с пересадкой, потому что по долгосрочному прогнозу ожидается резкое потепление, с Лены туман пойдет, так что можем застрять или в Москве, или в каком-нибудь аэропорту по дороге черт знает на сколько. А уже из Якутска – моим вертолетом в Новоленск. И билеты я уже заказал, так что встретимся в аэропорту, а я пока с Тamarой поговорю.

– Только с Тamarой! – напомнил Гуров. – Помни, что пока никто ничего не должен знать! И даже ей не говори, что я лечу вместе с тобой.

– Ну, ты мне хотя бы намекни, почему я должен все скрывать от людей, с которыми уже все на свете пережил и которым верю? – возмутился Романов.

– Говорил же – есть у меня основания! – веско ответил Лев, а потом, пытаясь свести все к шутке, добавил: – Или ты забыл, что я люблю кроликов из шляпы доставать, чтобы все – ах, и в отпад?

– Ой, Лева! Кажется мне, что сейчас не тот случай, – покачал головой Романов. – Ладно! Черт с тобой!

Приехав на работу, Гуров прямо на пороге кабинета был встречен вопросом обеспокоенного Крячко:

– Лева! Что в Новоленске стряслось?

– Там, вообще, черт знает что творится, – махнул рукой Лев и вкратце рассказал Крячко, в чем дело.

– Ничего себе! – потрясенно сказал тот. – Ну, словно дети малые, которых без присмотра оставлять нельзя! Или порежутся, или обожгутся! Когда летим?

– Пока сегодня вечером лечу я один, а для тебя у меня задание будет: надо узнать всю подноготную Степана Савельева. Он сейчас Новоленским отделением руководит, и вот с Сашкиных слов я понял, что у него там что-то не так. А может, это еще из Москвы тянется. В общем, тебе нужно выяснить, чем он здесь занимался, кроме того, что на своей машине по клубам разъезжал, почему вдруг в Сибирь сорвался, ну и все остальное. А поскольку твоя жена к Савельевым частенько захаживает, да и ты с Колькой больше, чем я, общаешься, то тебе и сделать это будет намного легче.

– Ну, знаешь! – возмутился Крячко. – Я и сам шпионить не буду и жене не позволю!

– Угомонись, Стас! – поморщился Гуров. – Если парень попал в беду или во что-то вляпался, то вытаскивать его оттуда нужно как можно быстрее, пока с головушкой не увяз. Может, он крупную сумму проиграл, а у отца денег попросить постеснялся, вот и сбежал от кредиторов в Сибирь. Может, еще что-то натворил. Он в Новоленске никого не знал, мужики его в свой круг ввели, с детьми познакомили, так какого черта он вдруг от них откололся и начал на служебном вертолете каждые выходные в Якутск летать? Зачем девку эту с братом привез? Он не понимал, как на это посмотрят в таком патриархальном городе? Он что, идиот? Нет, он не идиот! Он либо плевал на всех с высокой колокольни, либо, что гораздо хуже...

– Он уже сам себе не хозяин и делает то, что ему велят, – закончил его мысль Крячко.

– Ну вот ты и сам все понял, – подытожил Гуров.

– Да, зря я вспылел, извини, – виновато сказал Стас. – Только жене я такое дело не доверю – у нее язык без костей, сам знаешь, я лучше сам за это возьмусь: и с Колькой о сыне поговорю, и с его женщинами.

– Только очень аккуратно, чтобы и Степану не навредить, и их не насторожить, а то позвонят они ему, и он еще неизвестно что выкинет, – предупредил его Лев.

– Ты поучи меня, поучи, как с людьми разговаривать, а я, глупенький, тебя послушаю, – ехидно попросил Стас, который славился тем, что мог договориться даже с чертом и мгновенно становился своим даже в незнакомой компании.

Гуров сел за свой стол и позвонил в Тамбов знакомым операм – его очень интересовало, а чего это Сафонов вдруг в Сибирь подался. Услышав знакомую фамилию, Стас, дождавшись, когда Лев закончит разговор, спросил:

– Ты чего это им заинтересовался?

– А Сафонов сейчас у Кедрова заместителем, – объяснил Гуров.

– Блин! – Крячко растерялся настолько, что только и смог воскликнуть: – Да они там, что, блин, все на хрен охренели?

– Так он, оказывается, на Генкиной свояченице женат, – объяснил Лев.

– Нет! Их точно без присмотра оставлять нельзя! – обалдело сказал Стас.

– Вот поэтому ты здесь будешь нужен, ведь мне с местной полицией работать нельзя. Ладно, пойду к Орлову загляну, – сказал, поднимаясь, Гуров, – потом домой за вещами и в путь. А ты, как все выяснишь, тут же звони! А если мне еще что-нибудь узнать надо будет, я тебе позвоню.

– Ох, чую я, что тебе там солоно придется! – вздохнул Крячко.

– Не каркай! – устало попросил его Лев и взмолился: – Господи! Ну дашь ты мне когда-нибудь отдохнуть по-человечески?

– И ты тут же от скуки взвоешь, – хмыкнул Стас.

На это Лев только обреченно махнул рукой и отправился к начальству. Собравшиеся в приемной Орлова офицеры при виде Гурова мгновенно замолчали, значит, говорили о нем, но подобные вещи Льва уже давно не волновали, и он напрямик направился в кабинет, что было воспринято всеми с пониманием – об их дружбе знали все.

– Привет, Петр, – сказал он, войдя. – Ты уже в курсе?

– Более-менее, – кивнул тот. – Командировочное и все прочее получите у секретарши.

– Я пока лечу один, а Стас здесь останется – ему кое-что выяснить надо.

– Ну, как знаешь, – пожал плечами Орлов.

– Что-то ты, я смотрю, не в настроении, – заметил Лев.

– Лева, мне очень не нравится, что ты стал придворным сыщиком у некоторых людей, – напрямую ответил Петр. – Ты знаешь, какие слухи о тебе по управлению ходят? Да что там по управлению! Уже по всему Главку!

– Догадываюсь, – кивнул Гуров.

– А ты знаешь, что тобой уже служба собственной безопасности интересуется? Ты со своим характером здесь очень многим поперек горла стоишь, и они встретят расследование по твоему поводу оглушительными аплодисментами! То, что другим легко сходит с рук, с тобой не пройдет! Тебе любое лыко в строку поставят! Все грехи с момента рождения припомнят!

– Петр! Ты меня много лет знаешь, и мне нет нужды доказывать тебе, что лично я ни копейки у этих людей не взял. Я даже кожаный плащ и шапку ни разу не надел, костюм, правда, иногда ношу. Так эти паразиты нашли выход и все Маше презентовали, а уж она ставила меня перед фактом. Что я должен был делать? Раздолбать машину? Шубы ее на кусочки порезать, а бриллианты в унитаз спустить? Очень веселая у меня после этого семейная жизнь началась бы!

– Лева! Я очень хорошо отношусь к Марии! Но сейчас она не ведает, что творит. Я понимаю, что она женщина и для нее вся эта мишура чуть ли не дороже жизни! Но разберись ты с ней раз и навсегда! Объясни, что, принимая такие подарки, она тебя подставляет!

– Я с ней уже очень серьезно поговорил и все объяснил. Да и с Романовым я сегодня воспитательную беседу провел и пригрозил, что если что-то подобное повторится, то они могут мое имя навсегда забыть. Кажется, дошло.

– Угу! Потом замминистра прикажет, и поедешь ты к ним как миленький!

– А ты позвони прямо сейчас Рыбоводу и выскажи все, что накопело, – предложил Гуров.

– И меня тут же отправят на пенсию! Кто же тогда вам спину прикрывать будет? Ты на мое место сесть откажешься, сюда назначат варяга, который в лучшем случае хоть что-то в нашем деле понимает, но вот только он твой бешеный характер терпеть не будет! И ты уйдешь! А Стас – за тобой! Так не проще ли нам дружно подать рапорта – и на пенсию с чистой совестью?

– Давай не будем ходить по замкнутому кругу, – поморщился Лев, потому что подобный разговор происходил у них не в первый раз. – И еще! Как друга тебя прошу, поделись ты с кем-нибудь под очень большим секретом, что все это Марии любовник подарил. Пусть уж меня лучше рогоносцем считают, чем продажной шкурой.

– Ладно, подумаю, – пообещал Орлов, но, судя по его виду, он, прикинув возможные потери и выигрыши от подобных слухов, уже пришел к выводу, что в данный момент это будет наилучшим выходом из положения. – Ты обратно в Москву не торопись, а я тем временем нормализую ситуацию. Я тебе позвоню, когда можно будет вернуться.

Гуров ушел, и настроение у него испортилось окончательно – если за него служба собственной безопасности возьмется, то такого позора он уже просто не переживет, впору стреляться. Он представил себе, как придется объясняться с этими людьми, которые уже изначально уверены, что он дьявол во плоти, и доказывать, что он не взяточник, а честный офицер. Нет, такого он и врагу не пожелал бы! Так что домой он поехал в самом мрачном расположении духа.

Жены, к счастью, дома не было, а то точно снова поругались бы. Основательно пообедав, он собрал сумку с учетом сибирской погоды и оставил Марии на столе записку, что улетел в командировку, не уточнив, куда именно. Потом отправился в аэропорт, причем не на такси, а своим ходом, благо сумка была не очень тяжелая. Ему казалось, что в метро и электричке, отвлекаясь на посторонние шумы, ему будет легче.

В аэропорт он приехал раньше Романова и, чтобы убить время, принялся изучать расписание рейсов, прикидывая, куда бы ему навсегда улететь от такой невыносимо счастливой жизни. От этого дурацкого занятия его оторвал Саша, который, увидев мрачное лицо Льва, вопрошающе уставился на него.

– Мной уже служба собственной безопасности интересуется, – объяснил Гуров.

– Даже в мыслях не держи! – успокоил его тот.

– Ну да! Андрей Сергеевич щелкнет кнутом, и она тут же заткнется! Только людям рты не заткнешь! Сейчас они по одному поводу шушукаются, а потом начнут судачить о том, что я неприкосновенный и мне позволено то, что запрещено другим. У меня в управлении заклятых друзей много! Найдется кому языки почесать!

– Ну предложи что-нибудь рациональное! – попросил Романов. – Не отбирать же нам у Маши все подарки, в конце концов! Больше такого, конечно, не повторится, но сейчас-то что делать?

– Не знаю! – буркнул Лев.

Он был зол настолько, что все время полета сначала на одном самолете, а потом на другом старательно делал вид, что спит, а за время пересадки в транзитном аэропорту не общался с Романовым и парой фраз. А тот, видя его состояние, с разговорами и не лез. Когда они наконец-то сели в Якутске в губернаторский вертолет, Романов, едва заняв свое кресло, тут же схватился за телефон и стал заниматься делами. Гуров же, хоть и видел тайгу и сверху, и снизу, как уставился на неопишемую красоту этого действительно бескрайнего моря, так и не мог оторваться. Так что к моменту прибытия в Новоленск он уже отмяк душой, и настроение у

него было не таким кусачим – вот что значит природа. В аэропорту их встречала губернаторская «Волга» с неизменным Кузьмичом за рулем. Гуров перевел часы на местное время – было четыре часа дня, и спросил:

– Ты меня где поселить собираешься?

– Да у меня останешься – мы же с Наташкой сейчас вдвоем остались. Думаю, у нас будет лучше, чем в гостинице, – сказал Романов.

Гуров не стал возражать, потому что при одной мысли о ресторанной еде у него тут же начиналась изжога, да и наедине со своими невеселыми мыслями ему оставаться не хотелось.

Дом Романова стоял на той же улице, где жили и остальные отцы города, и ничем от других не отличался. Во дворе их радостно встретил здоровенный пес той же породы, что Гуров уже не раз видел в Сибири. Он со всех ног бросился к хозяину и закрутился вокруг него, словно щенок, заюлил, повизгивая от радости. Саша потрепал его по голове, погладил, почесал за ухом, а тот все подсовывал и подсовывал свою башку под хозяйскую руку.

– Соскучился, Хан! Соскучился! – говорил ему Романов.

Оставив разочарованного такой короткой встречей пса во дворе, они вошли в дом, и Гуров, оглядевшись, увидел, что там, так же как раньше в доме бывшего губернатора, не наблюдалось ни малейших признаков роскоши. Все было добротно, удобно и очень уютно. О том, что Романов в молодости был охотником-промысловиком и до сих пор любит побродить по тайге с ружьем, причем стрелял он так, что любой снайпер обзавидует, напоминало только обилие разнообразных шкур, лежавших на полу и мягкой мебели.

– Пойдем, я тебе твою комнату покажу, – предложил Саша. – Мы тебе Мишкину отвели – там кровать побольше, да и туалет с ванной рядом. И не бойся, ты никому не помешаешь, потому что мы с Наташей на первом этаже, а ты будешь на втором.

Он отвел Гурова в его комнату и спросил:

– У тебя какие планы?

– На сегодня – никаких, мне бы в себя прийти от всех этих полетов и пересадок. Но вот после ужина мне хотелось бы поговорить с Тamarой, и желательно без посторонних.

– Не проблема! – заверил его Саша. – Позвоню ей и скажу, чтобы она к нам забежала. Как домой поедет, так сюда и пойдет – живут-то они рядом.

– Очень хорошо, а потом я рухну и попрошу до утра меня не трогать, даже если начнется ядерная война – все одно погибать, так хоть выплещу. А у тебя на завтра что запланировано? Никаких вылетов в область не предвидится? – нейтральным тоном спросил Лев.

– Нет, – ответил Романов, но, посмотрев на него, добавил: – Но мне почему-то кажется, что тебе нужно, чтобы я улетел.

– Да, Саша, причем не один, – подтвердил Гуров. – Скажи, никому не покажется подозрительным, если ты возьмешь с собой Сафонова? А я тем временем в областном управлении с людьми пообщаюсь.

– Так вот где собака зарыта! Что с ним не так? – спросил Романов и, не дождав ответа, вздохнул: – Видимо, мы совершили очень большую ошибку, взяв Сафонова сюда на работу.

– Саша! Подводники такие ошибки называют аварийными, – ответил Гуров. – Выводы делай сам! И упаси тебя бог лезть к Генке с расспросами и разговорами на эту тему – ты мне все дело завалишь! И у других людей ничего не выспрашивай! Все свое время.

– Хорошо, – недовольным тоном согласился Романов. – Да, я могу найти повод вылететь в область и взять с собой Сафонова.

– А вот Кедрову о том, что я прилетел и хочу поговорить с его подчиненными, ты скажешь завтра, когда Сафонов будет уже рядом с тобой, но так, чтобы он тебя не слышал.

– Знаешь, Лева, – пристально глядя на него, сказал Саша. – Ты в прошлый раз и по более серьезному поводу так не шифровался.

– Потому что тогда с первых же минут все было ясно, – объяснил Лев. – Кое-что я, конечно, уже сейчас понимаю, но остается еще масса вопросов, на которые нужно ответить. У меня пока есть только печка – это Сафонов, вот от нее я и начну плясать.

– Лева, мне эта твоя конспирация – серпом по одному месту, – сердито сказал Романов.

– Если здесь у вас рванет всерьез, то прилетит твой тесть и за это самое место тебя подвесит на дереве перед зданием администрации под громкие одобрительные возгласы широкой общественности, так что терпи! Теперь дальше. Кто у вас здесь занимается сотовой связью?

– Наш человек, причем и сотовой, и обычной.

– Очень хорошо! – обрадовался Гуров. – Ты, Саша, сейчас с ним свяжешься и скажешь, что тебе срочно нужны распечатки всех входящих и исходящих звонков Сафонова со всех его телефонов: сотового, домашнего и служебного прямо с 1 июня, причем с расшифровкой. Чтобы, кроме номера, был указан еще и человек, на которого номер зарегистрирован. И в дальнейшем, чтобы каждый вечер тебе привозили свежие.

– Не проблема, сделаю. Это все? – Лев, подумав, кивнул. – Ну ладно! Ты разбирай вещи, умывайся или душ прими, если хочешь, а потом спускайся вниз. Столовую по запаху найдешь – Наташка у меня сказочно готовит!

Романов вышел, а Лев стал осматриваться. Это была самая обычная комната молодого человека, не обремененного никакими пагубными пристрастиями и даже с несколько старомодными взглядами на жизнь, о чем свидетельствовал и подбор книг с дисками, и отсутствие на стенах постеров новомодных музыкальных коллективов, спортивных команд или полуголых девиц. Приведя себя в порядок и сменив рубашку, Гуров отправился в столовую.

Романов уже ждал его за накрытым столом, вокруг которого суетилась Наталья, и Гуров, видевший ее впервые, невольно отметил, что эта несколько полноватая женщина – совсем не красавица, да и простовата, а вот Саша очень даже симпатичный мужчина. «Интересно, а почему они поженились? – подумал Лев. – По любви, по расчету или по здравому размышлению?» Он смотрел на эту пару и понимал, что никакой любви там никогда не было. Была взаимная симпатия, принадлежность к одному кругу, общность интересов и все в этом духе, так что Саша, скорее всего, сначала с Косолаповым поговорил о том, что хотел бы жениться на Наталье, а уже только потом, получив его одобрение, – с ней. Или, может быть, сам Косолапов, узнав Сашку получше, предложил ему жениться на своей дочери. Но как бы там ни было, с первого же взгляда было понятно, что живут они дружно, не ссорятся, потому что распределение ролей в таких семьях установлено веками: муж-добытчик и жена, которая поддерживает огонь в домашнем очаге. Они больше друзья и соратники, чем любящие муж и жена, и, несмотря на это, друг за друга кому угодно горло перегрызут. «Да, любовью здесь и не пахнет, сплошной здравый смысл, – подумал Лев и тут же устыдился этой мысли. – А ты сам-то, что, по большой любви на Марии женился? Тоже можно сказать, что по здравому размышлению, только не в ту сторону у тебя тогда голова работала. Другой бы двадцать раз подумал, прежде чем связывать свою судьбу с артисткой, а вот ты лопухнулся! Такая жена, как Наталья, никогда в жизни никакой подарок, тем более такой дорогой, как джип, от чужих мужиков не приняла бы! Она бы сначала с мужем посоветовалась: брать или нет, потому что отдельно от семьи себя не представляет, собственных амбиций у нее – ноль и выпендриваться ни перед кем она не будет, потому что ей это просто не надо! А вот семья, муж, дети, дом – у нее на первом плане, и она бы просто побоялась, что этот подарок может их скомпрометировать! А Мария радостно уцепилась за подарки, не просчитав последствий, ни на секунду не задумавшись: а чего это мой муж всегда от них отказывается? А вдруг в этом есть какой-то смысл? Нет, у нее даже такой мысли не возникло! А расхлебывать эту кашу теперь приходится мне. Так что заткнись ты, Гуров, со своими критическими замечаниями, потому что сам дурак!»

Бодрости духа эти размышления Льву не прибавили, так что он, хоть и проголодался изрядно, ел без особого аппетита. Правда, встав из-за стола, тепло поблагодарил Наталью за очень вкусный обед, на что она только улыбнулась.

– Лев Иванович, да вы даже не заметили, что ели, не тем у вас была голова занята. Да вы не думайте, я не обижаюсь! Я такое каждый день вижу с тех пор, как Саша губернатором стал – раньше-то у него все-таки времени побольше было, а вот хлопот – поменьше. Знаете, он один раз за обедом, задумавшись, сладкий пирог горчицей, которую я не успела со стола убрать, намазал и съел, причем даже не почувствовал этого, а вот дети, которые все это видели, чуть не подавились.

– Уже насплетничала, – добродушно бурчал Романов. – И ведь было-то всего один раз, а ты все никак забыть не можешь.

– Забудешь, как же, если Варюшка, на тебя посмотрев, решила так же попробовать, – рассмеялась она. – Ох и реву было! Горчица-то домашняя, злая! А она ее щедрой рукой себе на печенье наложила!

– Наташа, а сколько у вас детей? – спросил Лев.

– Почти семь, – лукаво улыбнулась она и, видя, как Гуров оторопел, спросила: – А чему вы удивляетесь? У нас у всех много детей.

– Сибирь, Лева, заселять надо! – веско заметил Романов. – Чтобы разные супостаты на нее зубы не точили! Чтобы кадры везде свои были! Мы из областного бюджета всем многодетным семьям доплачиваем! И не по три копейки! Потому и ясли с детсадами и школами у нас, что ни год, новые строятся!

Наташа начала убирать со стола, а мужчины перешли в кабинет хозяина дома. Не увидев там даже пепельницы, Гуров удивленно спросил:

– А чего ты в доме не куришь? Ну ладно там, в спальне, в столовой, но здесь-то у себя можешь.

– Не хочу Наташу расстраивать, вот и курю только вне дома, – объяснил Романов. – Запах, конечно, в карман не спрячешь, но она у меня большая умница и делает вид, что ничего не замечает. Знает ведь, что, как только эта чертова история закончится, я тут же брошу, вот и не педалирует ситуацию.

«Действительно умница, – мысленно согласился с ним Гуров. – Другая бы на ее месте пилила мужа день и ночь, а она все понимает и терпит. Интересно, в Сибири все жены такие или сволочные дуры тоже попадают?» Вслух он, естественно, ничего не спросил, а просто белой завистью позавидовал Сашке.

Они сидели и молчали, думая каждый о своем, когда появилась Тамара. Она не была красавицей, но эта до невозможности холеная женщина неопределенного возраста выглядела так, словно только что шагнула в эту комнату со страницы глянцевого журнала. Да и могло ли быть иначе, если ее мужу принадлежали все предприятия бытового обслуживания в городе и не только они. Шил ей, естественно, Леша, так что все достоинства ее фигуры были подчеркнуты, а недостатки скрыты. Она производила прекрасное впечатление и вполне могла бы выглядеть избалованной кошкой, если бы не ее спокойный, твердый, серьезный взгляд. Не соврал Романов: баба-кремень.

– Познакомься, Тамара, это полковник полиции Лев Иванович Гуров из Москвы, – представил Саша своего гостя.

– Добрый вечер, – сказала она, протягивая Гурову руку. – Слышала о вас очень много хорошего и всегда хотела познакомиться.

– Тамара! Я о вас ничего не слышал, никогда вас не видел, но восхищен безмерно, – ответил Гуров, целуя ей руку.

– Эх, если бы хоть кто-то из наших мужей умел делать комплименты! – улыбнулась она.

– Тамара, вы умная женщина и поэтому не обидитесь, если я скажу, что очень устал в дороге и перейду прямо к делу, – спросил Гуров.

– Не возражаю, – согласилась она и улыбнулась. – И против того, что я умная, – тоже.

– Скажите, у вас все готово для медосмотра? Никто ничего не заподозрил?

– Да, я все организовала, но, извините, не понимаю, почему это нужно было держать в тайне даже от моего мужа? – недоуменно спросила она.

– А потому, Тамара, что флюорография и кардиограмма – само собой. Но! – выделил Лев. – Обращаю на это ваше особое внимание! Кровь из вены нужно будет брать не только на общий анализ и биохимию, но еще на наркотики и сифилис.

– Лева! – обалдело воскликнул Романов. – Откуда наркота? Мы же эту заразу у себя в области уже давно раз и навсегда вывели!

– Тебе это кто-то гарантировал? Расписку дал? – язвительно поинтересовался Гуров. – И потом! Я тебя предупреждал, чтобы ты делать делал то, что я скажу, и ты с этим согласился. Если же сейчас передумал, то я, пожалуй, в Москву вернусь.

– Все! Молчу! – заверил его Романов.

– Далее, Тамара, – продолжал Лев. – Мочу нужно будет брать не только на общий анализ, но и на гонорею у всех, а у девочек еще и на беременность, причем их должен будет осмотреть детский гинеколог.

– Ты представляешь, что в городе начнется? – хмуро спросил Саша.

– А что? У вас тут еще ничего не началось? – язвительно спросил Лев и снова обратился к женщине: – И еще нужно будет организовать круглосуточную работу лаборатории, чтобы все анализы были обработаны как можно быстрее.

– Лев Иванович, вы подозреваете, что все творящиеся в городе безобразия дело рук обдолбанных подростков? – спросила Тамара, причем сейчас она выглядела уже не ухоженной кошкой, а разъяренной пантерой.

– Подумайте сами, будут ли взрослые дядьки после трудового дня, поужинав в кругу семьи и проведя вечер перед телевизором, вместо того чтобы лечь спать, отправляться ночью на поиски приключений, тем более что им утром снова на работу, – сказал Гуров.

– Скорее всего, вы правы, – подумав, сказала она.

– Сколько времени потребуется на то, чтобы обследовать всех подростков?

– Даже не думайте о том, что это можно сделать за один день – это свыше наших сил, – предупредила она его. – Если врачи будут работать в две смены, а лаборатория – круглосуточно, то все равно потребуется минимум три дня.

– Пусть так, а с кого вы планируете начать? – спросил Лев. Он-то уже знал, с кого, но как же ему не хотелось пока говорить об этом!

– С интерната, – подумав, ответила Тамара.

– Почему? – удивился он.

– Потому что обычные ученики живут у себя дома и их можно собрать только в будний день в школе, а вот воспитанники интерната постоянно находятся вместе, – объяснила Тамара. – Чтобы не срывать их с уроков, мы проведем медосмотр в воскресенье, рано утром, когда они только проснутся.

– Очень разумно, – согласился с ней Гуров. – А с понедельника вы займетесь школьниками. Кстати, когда у нас воскресенье, а то я с этими перелетами потерялся во времени и пространстве?

– Послезавтра, – ответил Романов.

– Ну что ж, недолго ждать осталось.

– Знаете, Лев Иванович, я, конечно, сделаю все, что в моих силах, вызову на работу всех, кто находится в отпуске, в отгулах. Даже пенсионеров наших привлеку, – сказала женщина. –

Но буду изо всех сил молиться, чтобы вы ошиблись, потому что та давняя история очень дорого обошлась нашей области. И упаси нас Бог от ее повторения.

– Тамара, только от нас с вами зависит, чтобы это зло, если оно действительно уже пустило корни в области, было ликвидировано на самой ранней стадии, – очень серьезно ответил ей Лев.

Тамара ушла, Романов поехал на работу, а Гуров отправился в свою комнату и, несмотря на то, что было еще довольно рано, лег спать. Хотя с непривычки ему было очень неудобно на односпальной кровати, с каким же наслаждением он уснул.

Проснувшись утром, Гуров посмотрел в окно и понял, что не зря Романов так торопился с вылетом – туман можно было сравнить уже не с молоком, а со сметаной. После завтрака Саша, пообещав держать Гурова в курсе событий, поехал в администрацию, а Лев, не подумав о разнице во времени с Москвой, решил позвонить Стасу и узнать, удалось ли что-нибудь выяснить про Степана. Услышав недовольный голос преждевременно разбуженного друга, Лев виновато сказал:

– Прости, вовремя не сообразил, что ты еще спишь.

– Бог простит! – буркнул Крячко. – У тебя что-нибудь случилось?

– Нет, просто хотел услышать, что ты узнал у Савельевых.

– А подождать до приличного времени нельзя было? – возмутился Стас, но смилился и проворчал: – погоди, сейчас тапочки надену и в кухню уйду, чтобы жену окончательно не будить.

Гуров покорно ждал, а потом услышал все еще недовольный, но уже более бодрый голос друга. Сообщенные им новости были таковы, что он в первый момент даже растерялся, но потом взял себя в руки и сказал:

– Ну и ну! Вот так Степка! Удивил ты меня! Это точно?

– Точнее не бывает, – заверил его Крячко. – Та еще оторва!

– Да-а-а! – протянул Гуров. – А по виду не скажешь!

– Так я к тебе вылетаю? – спросил Стас.

– Нет, ты мне нужен там.

– Как с мужиками в бане париться, так ты, а как по Москве, высунув язык, круги наматывать, так я, – не удержавшись, съязвил Крячко.

– Прав ты, Стас. Кажется, меня настоящая парная ждет, – хмыкнул Гуров.

Он принялся изучать распечатки с телефонов Сафонова и довольно короткий список людей, приехавших в Новоленск год назад и до сих пор здесь находившихся, – и то и другое привезли губернатору ни свет ни заря. Гуров отмечал маркером фамилии, встречавшиеся в обоих документах, и уже почти закончил, когда позвонил Романов и сказал, что Кедров его ждет:

– За тобой Кузьмич заедет, а то ты же не знаешь, где новое здание управления находится.

Гуров не стал возражать, потому что этого действительно не знал. В пути, несмотря на туман, старался запомнить дорогу, потому что возвращаться планировал один. В управлении он, предъявив удостоверение, пошел к Кедрову, который встретил его не без некоторого душевного трепета. Он и сам знал, что на этом посту человек случайный, и если крупно проштрафится, то с работы, конечно, не вылетит, но отцы города могут произвести рокировку и перевести его в замы, а на его место посадить, соответственно, Сафонова – родственник же. Все эти мысли были написаны на лице Афанасия Семеновича такими крупными буквами, что Гурову стало даже как-то неловко. Отказавшись от чая, он сел в кресло для посетителей и, тяжело вздохнув, посмотрел на хозяина кабинета, который съезжился за своим столом и даже дышал через раз в ожидании неизбежной взбучки.

– Афанасий Семенович, как вам работается с Сафоновым? – спросил Гуров, и тот ответил ему грустным взглядом больной собаки. – Понятно, – кивнул Лев.

Ему действительно стало ясно, кто стал в управлении настоящим хозяином, потому что, зная Сафонова, он не сомневался в том, что тот демонстрирует свою власть самым наглядным и наглым образом. Гуров попросил собрать офицеров, и, хотя приказ был отдан через секретаршу, те прибыли в течение двух минут. Кто был старше по званию, сел за стол для заседаний, а остальные – на стоявшие вдоль стен стулья. Народу было немного – управление под стать численности населения области было небольшим, так что поместились все. Глядя на то, как расселись люди, Гуров понял, что офицеры уже разделились на тех, кто остался верен Кедрову, и тех, кто перешел на сторону Сафонова. Афанасий Семенович представил собравшимся Гурова, и тот на всякий случай спросил:

– Все здесь?

– Полковник Сафонов сопровождает губернатора, а майор Филимонов, видите ли, отдыхает! Дома у него что-то случилось! – ерническим тоном сказал сидевший за столом подполковник. – Безобразие! В городе черт-те что творится, мы без выходных работаем, а он с 18-го числа дурака валяет! – возмущенно закончил он.

Этот подполковник по-хозяйски разложил руки на столе так, что его соседям и места-то не осталось. Такое хамское поведение в кабинете начальника управления мог себе позволить только полномочный представитель отсутствовавшего Сафонова, дабы продемонстрировать, что хоть хозяина и нет на месте, но дело его живет. Судя по выражениям лиц части офицеров, подобное заявление им было явно против шерсти, да и вообще подполковника они, мягко говоря, не любили. А вот остальные только согласно покивали головами – безобразие, конечно!

– Представьте как положено, – жестко потребовал Гуров.

Тот вынужден был встать и сказал:

– Подполковник Никитин.

Гуров понял, что не ошибся, потому что Сафонов очень часто общался по телефону с человеком с такой фамилией, и тем же тоном продолжил:

– И за что же вы так не любите Филимонова? Может быть, у него действительно с кем-то из родных случилось что-то серьезное? Или он пришлый, как вы здесь говорите?

– Нет, он сибиряк, но не из местных – из Якутска перевелся, – объяснил тот.

– Афанасий Семенович! У вас есть претензии к майору Филимонову? – спросил Гуров.

– Нет, Лев Иванович. Хороший, исполнительный офицер, никаких нареканий по работе к нему нет, – ответил Кедров.

– Вот видите, Никитин! Начальник управления генерал-майор Кедров работой майора Филимонова доволен, – сказал Гуров. – Значит, это ваше личное неприязненное к нему отношение. Чем оно вызвано?

– Полковник! – гневно глянув на него, начал Никитин. – Мы думали, что...

– Гос-по-дин пол-ков-ник! – по слогам отчеканил Гуров металлическим голосом. – Прошу всех учесть на будущее, что обращаться ко мне нужно только так! Кроме того, Никитин, меня не интересует, что вы думали! Судя по тому, как развиваются события в городе, в управлении вообще мало кто умеет думать!

– Каков поп, таков приход, – пробормотал Никитин и собрался сесть, но Гуров его услышал и рывкнул:

– Я не разрешал вам садиться! Судя по вашему хамскому поведению, вы решили, что в этом приходе скоро сменится поп? Так вот! Этого не будет!

– А вот это, господин полковник, уже не вам решать! – окрысился на него Никитин. – Полковник Сафонов был приглашен сюда для укрепления кадров, а вы сами должны понимать, что это значит.

– Намекаете на то, чей он родственник? – усмехнулся Гуров. – Любой человек может ошибиться, но только дурак упорствует в своей ошибке. А я здесь среди отцов города дураков не встречал! – сказал он таким тоном, что все в кабинете, что называется, прижали уши. – И уж если вы считаете Сафонова таким асом сыского дела, то почему же он три недели на месте топчется? Почему ни одной продуктивной версии предложить не смог?

– Никто не смог, – пробурчал продолжавший стоять Никитин, намекая на Кедрова и изо всех сил стараясь сохранить не только свое лицо, но и репутацию Сафонова.

– Если вы имеете в виду Афанасия Семеновича, то он-то как раз высказал очень здравую мысль – обратиться ко мне, – сказал Лев, хотя это было не так, но он хотел поддержать Кедрова. – А я уже понял, что подвижек в нужном направлении от вас ждать не приходится и своими силами вы не справитесь!

В поисках поддержки Никитин посмотрел на тех офицеров, кто находился с ним по одну сторону баррикады, и те ответили ему сочувствующими взглядами. А Гуров тем временем продолжил:

– Ладно, если потребуется, я с майором Филимоновым потом отдельно поговорю. А сейчас я хочу услышать ваши соображения на предмет того, откуда у этой истории ноги растут. Прошу вас высказаться первым, Никитин.

И тот солидно заявил, причем явно пел с чужого голоса:

– Я полагаю, что межнациональные конфликты были спровоцированы самими китайцами, которые и получили адекватный ответ со стороны местного населения. Согласитесь, что наличие в городе такого количества иностранцев, которые отбирают рабочие места у коренного населения, рано или поздно должно было привести к чему-то подобному. Это происходит по всей России, вот и до Сибири дошло.

– Тогда назовите мне процент безработицы в области, – приказал Гуров.

Тут Никитин явно растерялся, а потом пробормотал:

– Не знаю, не интересовался.

– В области нет безработицы. У нас даже нет такого учреждения, как служба занятости населения, – вызывающим тоном ответил какой-то капитан.

«Да-а-а, – подумал Гуров. – Выходит, что сволочь Сафонов перетянул на свою сторону всех высших офицеров управления, которых возглавляет Никитин, а вот из сторонников Кедрова – всего лишь капитан».

– Не проходит ваше объяснение, Никитин, – развел руками Лев. – Другого нет? – Тот поджал губы и оскорбленно замолчал. – А у остальных?

– Кто-то хочет дестабилизировать ситуацию в области, но конечная цель пока не просматривается, – предположил тот же капитан.

– Представьтесь, пожалуйста, – попросил Гуров.

Тот мгновенно встал и сказал:

– Капитан Чернов.

– Спасибо, садитесь, – кивнул ему Гуров и предложил: – Давайте продолжим, Никитин, и рассмотрим цепь событий в хронологическом порядке. – Уж если он в кого-то вцеплялся, то всерьез и надолго, так что мало этому наглomu типу никак не покажется. – Итак, с чего все началось?

– С надписей националистического толка, – вынужден был ответить тот.

– Вот именно! Они появились в ночь с 20 на 21 марта, а сделаны были аэрозольной краской, которую ни в одном из магазинов города никто не покупал. Вопрос: откуда она взялась? Поделитесь своими соображениями.

– Ее мог кто-то привезти, – ответил Никитин, бесясь от того, что его шпыняют, как не выучившего урок двоечника, но сделать ничего не мог.

– В таком количестве? – удивился Гуров. – Судя по тем документам, что я видел, чтобы так испаскудить весь город, потребовалось бы несколько ящиков, а добраться до Новоленска можно только по воздуху. А что говорит по этому поводу транспортная полиция? Как они могли не заметить, что кто-то привез такой груз?

– В том-то и дело, что его никто не привозил, – ответил Чернов.

– Нет, его привезли! – настойчиво сказал Гуров. – Чьи вертолеты не досматриваются в аэропорту?

– Лев Иванович, но вы же сами знаете, чьи, – тихо сказал Кедров.

– То есть кто-то из отцов города привез на своем вертолете эту краску, а потом всю ночь носился по городу, как ошпаренный, и рисовал граффити? Или, может, он кого-то нанял для этой непыльной работы? А не проще ли им, собравшись, решить, что новые контракты с китайцами лучше не заключать, а те, что уже подписаны, расторгнуть к чертовой матери? – Все молчали, и Гуров подвел итог: – Итак, с этим вопросом вы не разобрались. Переходим к следующему. Петарды, которые бросали во дворы некоторых домов в ночь с 24 на 25 марта. Что об этом думаете?

– Ну, с этим как раз все ясно, – оживился Никитин. – Мальчишка был уверенно опознан продавщицей магазина игрушек.

– Угу! Дмитрий Батюшкин, тринадцати лет от роду, проживающий в интернате вместе с двумя младшими братьями и пятнадцатилетней сестрой Ольгой. Их отец работает главным инженером на одном из приисков господина Кольцова. И до того их семье трудно живется, что выиграла в мальчишке классовая ненависть! – издевательским тоном говорил Гуров. – Только откуда он деньги взял, чтобы петарды купить? Если учесть, сколько их взорвалось, то сумма приличная получается. Ему их из дома прислали или сам заработал? Кто с ним разговаривал?

– Его допрашивал лично, – подчеркнул Никитин, – полковник Сафонов. Только этот подонок молчал и вообще ничего не говорил!

– Протокол допроса я читал, только там почему-то не указаны имя и должность как полномочного представителя несовершеннолетнего, так и защитника, без которых с ним вообще беседовать нельзя было. Подчеркиваю! Беседовать! Но никак не допрашивать! – гневно заявил Гуров. – Так кто это были? Учитель? Психолог из интерната? Адвокат? Или у Сафонова разыгрался ранний склероз, что он забыл их пригласить? Так я ему напомню! Так напомню, что до конца жизни не забудет!

– Да чего с этим паршивцем церемониться! Из-за него человек погиб! – возмутился Никитин.

– То есть у вас имеются твердые доказательства того, что этот мальчик не только купил петарды, но и сам бегал ночью по городу и их через заборы кидал? – спросил Гуров. – Его кто-то видел? Его на месте преступления поймали? Отпечатки его пальцев на уликах нашли? Тогда где протоколы допросов свидетелей? Где заключение экспертизы?

– Вот пусть бы и объяснил, для кого он их покупал, но он ведь молчит! – стоял на своем Никитин.

– Кстати, как вы его опознавали? – поинтересовался Гуров. – Ну, вышли вы на магазин, где петарды были проданы. Ну, описала вам продавщица мальчика, который их купил. Что дальше?

– Да взяли ее и поехали с ней по всем школам, вот она в интернате его и увидела, – сказал Никитин.

– И как же это выглядело на практике? – спросил Лев.

– Мы заходили с ней во время урока в классы, где этот мальчишка по возрасту мог учиться. Там-то она его и опознала, и мы его тут же с собой забрали, – объяснил Никитин.

– На виду у всех? – воскликнул Гуров.

– А чего с ним миндальничать? – возмутился Никитин.

– Знаете, чем больше я вас слушаю, тем больше убеждаюсь, как же прав был бывший губернатор, когда сказал, что все ваше управление надо разгонять к чертовой матери! – не сдержался Гуров, вскочив из своего кресла и в ярости расхаживая по кабинету. – Ну, пусть не все управление, но кое-кого отсюда точно надо гнать поганой метлой!

– Господин полковник, а вы не слишком много на себя берете? – севшим от ненависти голосом спросил Никитин.

– Молчать! – рявкнул Гуров так, что все потупились. – А теперь ответьте мне, в чью светлую голову пришла столь гениальная мысль: проводить опознание именно таким образом? Что? Трудно было пройтись по школам и под благовидным предлогом собрать фотографии подходящих по возрасту учеников? Показать продавщице мальчишек во время перемены или просто чуть дверь в класс приоткрыть, чтобы она в щелку посмотрела? Зачем нужно было устраивать этот парад-алле? Ну, что молчите? Никитин! Кто инициатор этой затеи?

Судя по тому, что тот упорно молчал, ответа уже и не требовалось, но капитан Чернов не удержался, хотя к нему и не обращались, и заявил:

– Вообще-то я предлагал потихоньку показать продавщице учеников, но полковник Сафонов приказал провести такое явное опознание, чтобы впредь другим хулиганам неподвадно было.

– Нет, Сафонов даже не дурак! Он идиот! А это уже клинический случай, не поддающийся лечению! – сказал Лев, да вот только голос у него больше походил на волчье горловое рычание.

– Что вы себе позволяете? – взвился Никитин. – Вы оскорбляете честь и достоинство высшего офицера в присутствии его подчиненных! Вы думаете, на вас управа не найдется?

Тут Гуров так шарахнул кулаком по столу, что на нем все подпрыгнуло, а присутствующие замерли.

– Я позволяю себе ровно столько, сколько могу! У меня и генералы, бывает, по известным адресам ходят! Для малопонятливых объясняю. Мальчишка здесь совершенно ни при чем. Это настолько очевидно, что не увидеть этого мог только слепой, а не понять – только такой законченный кретин, как Сафонов! Ему дали деньги и попросили или приказали купить! Он купил! А теперь три варианта. Первый. Это его друзья. Вспомните себя в его возрасте! Ну, как можно выдать друга? Тем более когда тебя публично взяли и опознали. Ведь если ты хоть слово скажешь, тебя будут на веки вечные считать предателем. Как ему после этого в интернате оставаться? Второй. Эти люди были ему совсем не друзья, а те, кем он восхищается и кому стремится подражать. И он для них готов на все! Тут уж из него слова не выжмешь! Третий. Его заставили это сделать. Когда он узнал, что из этого вышло, то испугался! Если бы его потихоньку пригласили для беседы... Подчеркиваю! Потихоньку! Для беседы! – почти проорал Гуров. – Да еще в присутствии человека, которому он доверяет, он бы все рассказал. А теперь он бы и рад рассказать, но его запугали уже те, для кого он эти чертовы петарды покупал! И его есть чем шантажировать – там же, кроме него, еще братья и сестра. И вызвать его на откровенный разговор теперь будет очень сложно, потому что один идиот... Надеюсь, всем понятно, кого я имею в виду? Так вот, этот идиот думал явно не тем местом, которым надо, а тем, которым в кресле сидит. Пока сидит! – подчеркнул Гуров. – И в результате мальчик только еще больше испугался. Я внятно объяснил? – Вопрос был чисто риторический, так что ответа он ждать не стал. – Никитин! Где сейчас Дима и его родные?

– После беседы он был отправлен обратно в интернат, – ответил тот.

– Их что, нельзя было поселить где-нибудь отдельно? – взорвался Гуров.

– Да кто бы согласился этих малолетних преступников у себя приютить? – удивился Никитин.

– Только суд определяет, преступник человек или нет, но никак не вы! А он в силу возраста еще и неподсуден! – отрезал Гуров. – Итак, кем конкретно было принято решение о том,

чтобы вернуть Диму в интернат? Вы что, не понимали, какая там у него жизнь после этого началась? Повторяю свой вопрос: кто персонально принял это решение?

Он уже и так это знал, но ему требовалось, чтобы имя Сафонова было произнесено вслух, причем кем-то из его прихлебателей, а не сторонниками Кедрова. Он давал этим предателям шанс покаяться и вернуться в, так сказать, лоно истинной церкви. И, глядя сейчас на них, Гуров легко читал на лицах офицеров обуревавшие их эмоции. С одной стороны – Кедров, который сам себе не хозяин, а делает только то, что ему велят, и поэтому продвижения по службе при нем ждать не приходится, или приходится, но уж очень долго. С другой стороны, Сафонов. Пусть и пришлый, но зато родственник самого Стрелкова, с помощью которого он легко скинет Кедрова, займет его место и уж тогда не забудет тех, кто его с самого начала поддерживал. И то, что какой-то Гуров сейчас катит на него бочку, ничего не значит, потому что родня – есть родня. Итак, они переглянулись, и ими было принято молчаливое решение хранить верность своему будущему благодетелю.

А вот сторонники Кедрова не колебались ни секунды, потому что спокойная жизнь дороже – они знали, что, если бы Сафонов стал начальником управления, их ждало бы самое беспросветное будущее. Да! Афанасий Семенович не ума палата, зато он свой. Как говорится, он – сукин сын, но он наш сукин сын! При нем все понятно и предсказуемо. И сейчас, глядя на то, как Гуров рьяно взялся за Сафонова, они поняли, что тому кранты. Да, Сафонов родственник, но только одного Стрелкова, а Гуров пользуется уважением у всех отцов города во главе с самим губернатором. Вот и получалось, что если Кедрова почему-то снимут, то Сафонова уже не назначат. Но ведь может прийти человек совсем со стороны, со своими заморочками и тараканами в голове, а вот этого никому не хотелось. Пусть уж лучше все остается как есть. Сторонникам Кедрова даже переглядываться не надо было, чтобы начать топить Сафонова по полной программе. Первым, естественно, был капитан Чернов, сказавший:

– Это был приказ полковника Сафонова.

И вот тут подключились остальные сторонники Кедрова, которые заговорили, перебивая друг друга.

– После того как он 26 марта допросил Дмитрия Батюшкина...

– Причем орал так, что даже у нас в коридоре и соседних кабинетах уши закладывало...

– Он распорядился посадить мальчика до вечера в КПЗ, чтобы привыкал, как он выразился, а...

– А потом велел отпустить его обратно в интернат поздно вечером...

– Но чтобы он к десяти часам был уже там.

– Так и было! Я предложил отвезти его на машине – все-таки не следует мальчишке одному так поздно по улицам ходить...

– Только полковник Сафонов сказал, что нечего его, как барина, возить и ничего с этим убийцей не случится, а...

– А если и случится, так и черт с ним.

Говоря все это, они смотрели, но не на Гурова, а на его крепко сжатый, с побелевшими костяшками кулак, которым он, едва сдерживаясь, негромко, но равномерно стучал по столу.

– Я вас услышал. А теперь пусть меня послушают те, кто активно лизал зад Сафонову! – севшим от ненависти голосом сказал Гуров. – О его неправомерных действиях разговор будет отдельный. А сейчас хорошенько запомните: если с голов этих детей упал хотя бы волос, с Сафонова упадут погоны. И никаким неполным служебным несоответствием он не отделается! Это я твердо обещаю! На сто процентов гарантирую! Но и вам мало не покажется! Афанасий Семенович! – он повернулся к Кедрову. – Распорядитесь, чтобы всех четверых Батюшкиных немедленно привезли сюда!

Тот тут же схватил телефон и приказал, чтобы ближайший наряд заехал в интернат и забрал детей.

– Посмотрю, как у вас это получится, – ощерился Никитин.

Он наградил Гурова испепеляющим взглядом, а остальные сторонники Сафонова только усмехнулись.

– У меня все хорошо получается! – твердо заверил его Гуров. – А пока детей не привезли, давайте вернемся к делу. Я хочу знать мнение присутствующих о нападениях на китайцев. Как я прочитал, первое из них состоялось 1 апреля, кто-то так своеобразно решил отметить День юмора. Судя по показаниям потерпевших, это была группа из пяти человек, чьи лица были закрыты черными масками.

– Это могла быть месть за петарды, – небрежно бросил Никитин, словно удивляясь тому, как такая простая мысль не пришла в голову самому Гурову.

– Нужно быть полным дебилом, чтобы предположить, что это китайцы попросили Диму купить им петарды! – взорвался Лев. – Как я понимаю, слухи в таком маленьком городе расходятся со сверхзвуковой скоростью, так что о том, что их купил мальчишка из интерната, уже через час знали все поголовно, включая глухонемых.

– Поймите, господин полковник, у нас в городе никогда такого не было, – сказал, вставая, Чернов. – Даже когда китайцы только-только появились. Да, на них первое время смотрели с большим любопытством, и все! Потом из интереса стали захаживать в китайские ресторанички, поделки всякие покупать, календари с гороскопами и все такое, а потом вообще привыкли и перестали обращать внимание.

У нас в городе кого только нет! Русские, якуты, украинцы, эвенки и эвены, татары! И все всегда жили дружно! Мы представления не имеем, что такого могло случиться, чтобы на них нападать стали.

– А что говорят свидетели? – спросил Гуров. – Ну не может такого быть, чтобы никто ничего не видел или, по крайней мере, не слышал! Раз была драка, то крики обязательно были! Или все люди, рядом с домами которых это происходило, вдруг разом ослепли и оглохли?

– В том-то и дело, господин полковник, что места для нападений выбирались такие, где жилых домов поблизости нет, только предприятия или офисы, – объяснил ему Чернов. – Со сторожами, которые в те ночи работали, мы побеседовали, они драки видели, но открыть дверь и выйти побоялись, звонили в полицию. В первый раз мы нашли только потерпевших, а вот потом 9, 13 и 17 апреля к нашему приезду на земле оставались только следы крови, а вот ни нападавших, ни потерпевших уже не было.

– Хорошо, я с этими сторожами сам поговорю, – пообещал Гуров.

Уж что-что, а разговаривать с людьми он умел! И вытащить из свидетеля любую информацию о случае, о котором тот и думать забыл, было для него делом привычным. Тут поднялся еще один офицер и представился:

– Капитан Санин. Возглавляю криминалистическую лабораторию. Докладываю: образцы крови с мест происшествий были взяты на экспертизу и законсервированы – а ну, как кто-нибудь из китайцев потом от побоев умрет? Так хоть будем знать, где именно и когда он пострадал.

– Разумно! – одобрительно заметил Гуров. – Садитесь, капитан!

– Понимаете, Лев Иванович, после первого нападения мы попросили китайцев ходить на работу и обратно только большими группами, что они и делают, – сказал Кедров. – А Борис Львович, например, даже специальные помещения у себя выделил, чтобы его работники могли там переночевать и им не приходилось так поздно или очень рано по улицам ходить. Да и остальные предприниматели, у которых китайцы работают, тоже нашли выход из положения: некоторые вообще своих работников на работу и обратно на транспорте возят, другие охрану наняли, которая их сопровождает. Так что те двое, на которых эти хулиганы нападали последние три раза, просто выходили на улицу ночью на свой страх и риск. Кстати, мы ни от кого из них ни одного заявления не получили.

– Разберемся. А чем вы объясните то, что многие воспитанники интерната по утрам с фингалами появляются? Что у них там творится? – продолжал Лев.

– Понимаете, господин полковник, это, наверное, в результате тренировок, – начал объяснять один из офицеров. – 2 апреля вечером какие-то неизвестные жесточайшим образом избили Анатолия Борисовича Зайцева, учителя физкультуры из интерната, он до сих пор лежит в больнице. Когда это произошло, я лично запер спортивный зал, где он подростков тренировал, потому что без присмотра взрослых мало ли что могло случиться, а ключ директору интерната отдал. Потом смотрю, а они опять там тренируются – старый замок сломали, а новый повесили. Я им объяснил, что это может закончиться нешуточными травмами, всех в интернат отправил и другой замок повесил. А они его опять сломали и продолжают тренироваться. Ну что вы с ними поделаете? Только я так думаю, пусть уж они лучше там вечера проводят, чем по улицам шатаются. Тем более что в десять часов вечера там уже никого нет, они все к этому времени в интернат возвращаются.

– Значит, вы считаете, что они излишне усердствуют, а остановить их некому, отсюда и травмы, – спросил Гуров. – Ну а что с самим нападением на учителя физкультуры?

– Вы знаете, тут уже совсем ничего не понятно, – сказал Чернов. – Человек благое дело сделал, подростков организовал, занимался с ними, своего свободного времени не жалея. Кому он мог помешать? А что еще удивительнее, как с ним могли справиться – он же человек спортивный, тренированный.

– А что он сам говорит?

– Сказал, что его сзади чем-то тяжелым по голове ударили, и он сознание потерял, а очнулся уже весь избитый. Идти он не мог, так, на руках подтягиваясь, до ближайшего дома дополз и шум поднял. Тут уж люди и полицию, и «Скорую» вызвали.

– С ним я тоже поговорю, – пообещал Гуров. – Теперь по поводу погрома в музее в ночь с 28 на 29 марта. Что вы думаете по этому...

Гуров не смог договорить, потому что у Кедрова зазвонил телефон и он, взяв трубку, несколько секунд послушал, а потом, вскочив и побледнев, как мел, заорал:

– Что? Как это могло произойти? Ищите немедленно! Хоть из-под земли найдите! – А потом, положив трубку, рухнул в кресло и в ужасе посмотрел на Льва Ивановича.

– Что с детьми? – сразу все поняв, хрипло спросил Гуров.

– Оказывается, их уже давно в интернате нет. И Дмитрий тогда после допроса туда не вернулся, и его братья с сестрой в тот же день пропали, – трясущимися губами ответил Афанасий Семенович. – И части их вещей тоже нет!

– Ну, я вас предупреждал! – прорычал Гуров сторонникам Сафонова и повернулся к Кедрову: – Кто вам звонил?

– Старший наряда. Они подъехали к интернату и спросили у охранника, где им найти Батюшкиных, а он ответил, что их уже давно там никто не видел, с того самого дня, как Диму полиция увезла.

– Звоните директору интерната! – приказал Гуров, и Афанасий Семенович схватил трубку. Сам Лев, достав телефон, позвонил Романову и, когда тот ответил, в самый последний момент удержался от того, чтобы назвать его «Сашей» – неприлично так с ним перед посторонними фамильярничать, сказал:

– Александр Александрович! Все Батюшкины пропали! С вещами! Еще 26 марта! Дай бог, если они просто сбежали! Только у вас хоть и весна по названию, но температуры-то минусовые, так что и замерзнуть могли. Возможен вариант, что их убили, как опасных свидетелей. Пусть Матвей свяжется с их отцом, который у него на каком-то прииске работает, и узнает, не приехали ли его дети из Новоленска – как знать, вдруг они на каких-нибудь попутках смогли до дома добраться. Если же их там нет, свяжись с Василичем, пусть народ поднимает! Всех! Без исключения! И все вертолеты в воздух! Детей искать надо!

– Твою мать! – заорал губернатор так, что Гуров чуть не оглох, а его голос разнесся по всему кабинету. – Сейчас позвоню! А с директора интерната башку сниму собственными руками!

Пока Гуров разговаривал с Романовым, Кедров в голос орал на директора интерната за то, что тот не обратился к ним, когда выяснилось, что дети пропали, но, выслушав ответ, осел в кресле и трясущейся рукой пытался положить трубку на рычаг, но никак не мог попасть.

– Афанасий Семенович! Что еще случилось? – окончательно разъярился Гуров.

– Лев Иванович! Оказывается, когда ему доложили, что никого из Батюшкиных нет на месте, он позвонил полковнику Сафонову, а тот ему приказал шуму не поднимать, заявление в полицию не писать и родным не сообщать, объяснив это тем, что жрать захотят, сами обратно прибегут, – растерянно глядя на Гурова, сказал Кедров. – Причем звонил он в присутствии всего педсовета, который он срочно собрал, когда исчезновение детей обнаружилось.

Гуров не то чтобы успокоился, просто его гнев приобрел другую форму и из состояния неуправляемого бешенства перетек в холодную, рассудочную ярость. Да, изначально он не хотел посвящать Стрелкова в то, какую мразь тот привез в город, чтобы посмотреть, как Сафонов будет себя вести и что делать, но то, что он узнал, не оставляло ему выбора. И выход из этой ситуации был только один, хотя в детали Лев решил Геннадия все-таки пока не посвящать. Рано!

– Афанасий Семенович, соедините меня, пожалуйста, с Геннадием Архиповичем, – попросил он каким-то звенящим, металлическим голосом.

– Да-да! Конечно! – мелко-мелко закивал тот.

Но, набирая номер, он постоянно путался в цифрах, а потом все-таки умудрился набрать и передал трубку Льву Ивановичу, но тот поставил телефон на громкую связь и, когда Стрелков ответил, сказал:

– Гена, это Гуров.

– Привет, Иваныч! С приездом тебя! Уже успел что-то узнать?

– Скажи, для тебя будет новостью, если я скажу, что твой родственник – такая мразь, что я даже слов подобрать не могу? – бешеным голосом спросил Гуров.

– Та-а-ак! И что этот придурок натворил? – не предвещавшим ничего хорошего голосом спросил Геннадий. – Я тебя знаю, ты зря лютовать не будешь!

– Знаешь, в моей голове это не укладывается, должно быть, в силу собственной недоразвитости или непрофессионализма, – ответил Гуров. – В подробности тебя Афанасий Семенович посвятит, некогда мне сейчас этим заниматься. А вот то, как Сафонов умудрился с такими скудными умственными способностями и хамскими замашками стать заместителем начальника управления, будет предметом моего отдельного с тобой разговора! И мало тебе не покажется! Это я тебе твердо обещаю! Когда Стас узнал, что он тут замом Кедрова стал, то до того обалдел, что даже выругаться связно не смог! Как ты вообще додумался этого подонка сюда на работу затащить? У него же на лбу крупными буквами написано, что он распоследняя сволочь?

– Я?! Затащить?! – ошеломленно воскликнул Стрелков. – Иваныч! Да этого и близко не было! Мне жена месяц мозг выносила, умоляла, чтобы я помог мужу ее сестры! Достала так, что я согласился!

– Ну, с ней ты сам будешь разбираться, но почему замом к Кедрову? – не унимался Гуров.

– Так он же полковник, а место зама как раз вакантным оказалось, – объяснил Геннадий. – Но я его предупредил, чтобы вел себя тише воды ниже травы.

– Поздравляю! – издевательским тоном сказал Лев. – Он все сделал с точностью до наоборот!

– Да что он натворил? – уже в голос заорал Геннадий. – Чую я, что он в такое дерьмо вляпался, что ему и названия-то не подобрать!

– Стал под Кедрова копать, – объяснил Гуров. – Я не знаю, что он людям от твоего имени наобещал, но сумел перетянуть на свою сторону часть офицеров, и в управлении произошел раскол. Чему же удивляться, что в городе такой бардак, если полиция не работает, а интриги плетет!

– Чего?! – взревел Стрелков. – Ну, я эту суку собственноручно в его же дерьме и утоплю! Он что себе думал? Что, если меня один раз уговорили ему помочь, то он теперь может, прикрываясь моим именем, вытворять все, что его задняя нога захочет?

– И с ним, и со своей женой ты будешь сам разбираться, – остановил поток этого красноречия Гуров. – А сейчас я тебе хочу сказать только одно: если я рожу твоего родственничка еще хоть раз увижу, причем даже не в самом управлении, а просто рядом с ним, то развернусь и уеду! И никто! – отчеканил он. – Надеюсь, ты понял, о ком я говорю? Так вот, никто никакими приказами меня сюда не загонит! Потому что я и его пошлю далеко и навсегда! С меня станется!

– Ну, паскуда! – прорычал Геннадий. – Ничего! Он у меня сегодня долго пятый угол искать будет! Он у меня всю оставшуюся жизнь кататься будет! В инвалидном кресле! Пусть он возьмет трубку!

– Его здесь нет, он с Романовым в области, – объяснил Гуров.

– Тогда отдай ее Афоне, – потребовал Стрелков.

– Он тебя и так слышит, – буркнул Лев.

– Афоня! Ты не дергайся! – начал успокаивать его Геннадий. – Как ты был начальником управления, так им и останешься! А вот эту падлу со всеми его жополизами гони к чертовой матери! – проорал он. – По самым страшным статьям, какие есть! Чтобы эти сволочи больше даже охранниками на автостоянку не смогли устроиться! Ты мне список этих предателей приготовь, а уж мы проследим, чтобы им жизнь медом не показалась. А работников мы тебе новых найдем – не перевелись еще в Сибири настоящие мужики! Только какого черта ты молчал и терпел? – возмущенно спросил он. – Мог ведь раньше и сам ко мне обратиться! Или этот подонок тебя так запугал, что ты даже это побоялся сделать?

– Вроде того, – проблеял Кедров.

– Ну, так к Романову бы пошел! Да к любому из нас! – продолжал возмущаться Стрелков. – Ты же знаешь, мы своих не сдаем! А если бы Иваныч не вмешался, что тогда делал бы? – спросил он, но ответа не дождался и продолжил: – Ладно! Дело прошлое! Работай спокойно! Иваныч! Ты меня слышишь? – позвал он.

– Слышу, Гена! – отозвался Гуров.

– Если еще какие-нибудь проблемы будут, сам знаешь, тебе только сказать, и мы все решим, – заверил его Стрелков. – Ну, бывайте!

Раздались короткие гудки, и Гуров положил трубку на рычаг. Аплодисментов не было, но все сторонники Кедрова смотрели на Льва, как на икону, только что не молились. А он, взглянув на генерала, понял, что нужно брать власть в свои руки – Афанасий Семенович был настолько потрясен тем, что ему нечего больше бояться, что впал в какое-то оцепенение.

– Объявляется перерыв на полчаса, – сказал Гуров. – Капитан Чернов!

– Я, господин полковник! – тот аж вскочил со стула, готовый совершить для него, мгновенно и так легко изменившего ситуацию в управлении, все, что угодно.

– Приказываю вам и другим честным, – подчеркнул он, – офицерам проследить за тем, чтобы бывшие сотрудники управления покинули это здание быстро, не нанеся ему вреда и не прихватив на память о былой службе ничего ценного. А также на выходе отобрать у них пропуска и предупредить дежурного, что больше этим людям и, естественно, Сафонову в управлении делать нечего. И пусть дежурные передают по смене, пока приказ не появится.

– Есть, господин полковник! – четко ответил Чернов, а потом повернулся к сторонникам Сафонова и, не скрывая издевки, сказал: – С вещами и на выход! Причем навсегда!

Те сидели настолько растерянные, что, казалось, даже не до конца поняли, что произошло. Ну, не бывает же так, чтобы с подачи какого-то московского полковника разогнали полуправления, причем даже не потребовав объяснений. Один только Никитин, осознав до конца, что проиграл вчистую, сидел с закрытыми глазами и каменным лицом. Другие же, очнувшись, попытались хоть как-то спасти положение и заскулили:

– Афанасий Семенович! Но позвольте же хоть объясниться!

– Товарищ генерал! Выслушайте меня!

– Мы же ни в чем не виноваты!

Но уже несколько пришедший в себя Кедров только покачал головой:

– Зачем? Я и так знаю все, что творилось в управлении. Кто, что и о ком говорил, кто какие планы строил, да и все остальное.

– Ох, сгубила вас излишняя доверчивость! Вот и поставили не на ту лошадь, – насмешливо сказал им Гуров. – Я дал вам шанс покаяться, но вы его бездарно упустили. А кулаками, которыми машут после драки, обычно бьют себя по голове.

– Но даже в суде обвиняемым дают сказать последнее слово, – возразил ему какой-то майор.

– На все ваши слова ответ будет один: «Предавший единожды, кто поверит тебе?» – процитировал Лев и приказал: – Очистить помещение!

Офицеры во главе с Черновым выдавили предателей в приемную, и Гуров с Кедровым остались вдвоем.

– Ну как вы, Афанасий Семенович? – сочувственно спросил Лев.

– Лев Иванович, у меня нет слов, чтобы сказать, насколько я вам благодарен, – блестя повлажневшими глазами, ответил тот. – Я знаю, что эта должность не для меня, и все наши это знали, когда назначали. Но я очень старался, и у меня даже начало получаться, когда приехал Сафонов. Он как-то так сразу себя поставил, что я почувствовал себя последним ничтожеством. А потом мне сказали, что он за моей спиной говорит...

– Зря вы сникли и руки опустили! – укоризненно сказал ему Лев. – Нужно было действительно пойти к Романову и все рассказать.

– Но ведь Александр Александрович звонил в Москву дяде Натальи Михайловны. Тот связался с начальником Тамбовского областного управления и получил на Сафопова настолько блестящую характеристику, что губернатор бы мне просто не поверил, – грустно сказал Кедров.

– Ничего! С этим я теперь сам разберусь, – пообещал Гуров. – А пока выпейте чаю покрепче, взбодритесь – совещание же еще не закончено.

– Да-да! Конечно! Я сейчас секретарше скажу, и она все сделает, – он позвонил по селектору и распорядился, а потом предложил: – Лев Иванович! Может, мы с вами по чуть-чуть? У меня очень хороший коньяк есть!

– Я не буду, – отказался Гуров. – А вот вам граммов пятьдесят не повредит.

Кедров отошел к шкафу, немного повозился за открытой дверцей и вернулся к столу уже немного успокоившимся. Они попили чай с пирожками – повариха в управлении была отменной, а там и полчаса прошло. Когда подчиненные Кедрова снова собрались у него в кабинете, капитан Чернов на полном серьезе доложил:

– Господин полковник! Докладываю! Помещение очищено!

Да вот только при этом в глазах у него черти водили хоровод вприсядку, да и остальные офицеры выглядели радостно-возбужденными.

– Ну, и чего сияем? – спросил Гуров. – Или мы уже все дела раскрыли? Присаживайтесь, и продолжим! – а когда они сели, спросил: – На чем мы остановились?

– На разгроме музея, – подсказали ему.

– Да, правильно. А не могла ли это быть месть лично Тугоухову? – спросил он. – Вдруг кто-то хотел его убить, а все остальное – для отвода глаз?

Офицеры недоуменно переглянулись – видно, такая мысль им даже не пришла в голову, а потом один из них сказал:

– Господин полковник, Тугоуховы в городе испокон века жили, их тут каждая собака знала, и их историю – тоже. Самая обычная семья, никаких врагов у них отродясь не было. Кирюшка же у них на руках остался, когда его родители погибли – сын-то у стариков один был, больше детей бог не дал. Вот они его и вырастили, всю душу в него вложили, да и он их очень любил. Он в Якутск учиться уехал и там же работать остался, а как квартиру купил, стал их к себе звать, и они решили к нему перебраться. Они уже и шурум-бурум свой распродали, и на дом покупателя нашли. Им до отъезда недели две оставалось, когда со стариком эта беда приключилась. Тут уж Кирюшка мигом прилетел, деда похоронил, все их дела закончил и бабушку с собой забрал. Так что мстить старику не за что было, семья была самая мирная, и наследник у них только Кирилл, потому что больше никаких родственников в живых не осталось. Да и краска это была та же самая, которой надписи на заборах делали. Так что никакого личного мотива здесь не просматривается, – уверенно закончил офицер.

– Да, видимо, вы правы, – задумчиво сказал Гуров. – А по нападению на Лешу и Люсю в ночь с 5 на 6 апреля что-нибудь выяснить удалось?

– Ничего. Девушка и ее отец сказали, что все нападавшие были в черных масках, и больше ничего, – ответил Чернов.

– Понимаете, Лев Иванович, то, что Люсю хотели похитить с целью последующего изнасилования, как считают некоторые люди, мне кажется не единственной версией, – заметил Кедров. – Дело в том, что Леша является самым богатым из работающих здесь китайцев, так что нельзя исключать и попытку похищения с целью получения выкупа.

– Намекаете на то, что это могли быть и китайцы? – спросил Гуров.

– Я бы этого не исключал, – осторожно предположил Афанасий Семенович.

– Тогда возникает естественный вопрос: а где они собирались ее держать, пока не получат деньги? Если я ничего не путаю, они все живут в общежитиях, а там есть комендант, охрана и все прочее. Так просто завести ее туда и потом удерживать в течение нескольких дней, пусть даже двух или трех? Нет, это бы обязательно кто-нибудь заметил – не похищали же ее всем общежитием? Тогда даже самый большой выкуп, но разделенный на такое количество людей, стал бы невыгодным, а вот риску – много. Нет, я больше склоняюсь к первой версии, – уверенно закончил свои размышления вслух Гуров. – Так, для начала мне потребуется помощь криминалистической лаборатории, а там видно будет.

– В полном вашем распоряжении, – с готовностью заверил его Кедров. – Если нужно, будет работать круглосуточно.

– Не хочу вас пугать, капитан, – обратился Гуров к Санину. – Но я бы эту вероятность исключать не стал.

– Сколько нужно, столько и будем работать, – твердо заявил тот.

– Хорошо! Далее, подготовьте мне список сторожей, которые работали в ночи нападений, а то мне некогда их из протоколов выуживать, – попросил Лев. – Выясните, кто из них сегодня работает, – я с этими свидетелями поговорю прямо рядом с местом преступления, а с остальными – у них дома. И с Лешей, и с Зайцевым побеседую, так что вы мне адрес ателье Лешы тоже напишите, ну а где больница находится, я еще и сам не забыл. На данном этапе все!

– Все всё слышали? – спросил Афанасий Степанович. – Исполняйте, и срочно! – После того как с подачи Гурова из управления были изгнаны все предатели, он стал чувствовать и вести себя более уверенно.

Офицеры поднялись и вышли, и в кабинете снова остались только Гуров и Кедров.

– Афанасий Семенович, распорядитесь, чтобы мне принесли все без исключения личные дела офицеров – я хочу знать, с кем мне предстоит работать, – попросил Лев.

Личные дела появились почти мгновенно, и Гуров попросил Кедрова разделить их на «чистых» и «нечистых». Сначала Гуров просматривал дела предателей, но его интересовали только фамилии и номера телефонов, которые он выписал в блокнот. Потом он перешел к сторонникам Кедрова, чьи дела просмотрел более внимательно – ему же предстояло иметь с ними дело, вот и нужно было знать, что они собой представляют. Работая, он временами посматривал в сторону телефона в ожидании звонка Романова, а закончив, не выдержал и позвонил сам.

– Саша! Ты чего не звонишь? Ты выяснил, что с детьми? – сейчас при Кедрове уже можно было обращаться к губернатору как обычно.

– Как раз собирался тебе звонить. Тут понимаешь, какая штука... – растерянно сказал Романов. – Короче, они уже действительно дома, причем появились рано-рано утром 27 марта, то есть на следующий день после того, как Диму сначала задержали, а потом в полиции допрашивали.

– Что?! – воскликнул Гуров. – Их что, туда святой дух перенес? Как они могли оказаться дома почти в тот же день, когда пропали? Что их отец говорит? Откуда они взялись?

– Очень удивился, что мы этим заинтересовались, потому что ему сказали, что в интернете объявили карантин из-за эпидемии гриппа, вот их и выпустили по домам раньше времени, а то, что привезли на вертолете, так это обычная практика, ничего особенного в этом нет. Вот он ничего и не заподозрил, – объяснил Саша.

– Черт бы побрал этот туман! – не сдержался Гуров. – А еще на чем-нибудь туда добраться можно?

– Пока нет – там через реку нужно переправляться, а лед уже взорвали, – объяснил Романов. – Вот как он сойдет, будем, как и каждый год, понтонную переправу налаживать.

– А не проще мост построить? – укоризненно спросил Лев.

– Ледоходом снесет – это тебе не Москва-река! – хмыкнул Саша. – Да не дергайся ты! Ждать долго не придется, потому что ветер сильный обещают, вот он туман и рассеет.

Поговорив с Романовым и успокоившись, что с детьми ничего плохого не случилось, Гуров попросил Кедрова:

– Афанасий Семенович, выясните, чьи вертолеты в ночь с 26 на 27 марта из города вылетали.

Тот быстро позвонил кому-то из своих подчиненных и, выслушав ответ, развел руками:

– Ни один не вылетал.

Лев встал и, подойдя к нему, сам взял трубку и спросил:

– Скажите, а чьих вертолетов в ту ночь на стоянке в аэропорту вообще не было.

Его собеседник пошелестел бумагой и ответил:

– Стрелкова, Кольцова и Савельева.

– А заявленные маршруты какие были? – продолжал допытываться Гуров. – Впрочем, объясните все господину генералу, он лучше меня ваши края знает.

Кедров взял трубку, все выслушал, а когда он закончил разговор, Гуров его попросил:

– А теперь покажите мне на карте, где что находится, в том числе и поселок, где живут Батюшкины.

Они подошли к стене, на которой висела большая карта области, и Афанасий Семенович стал объяснять Льву Ивановичу, что где расположено. Гуров выслушал его и крепко задумался. И было о чем, потому что ко всем уже существовавшим вопросам прибавился еще один – ни один из заявленных маршрутов не пролегал в той стороне, где жили Батюшкины. Решив, что нечего сейчас над этим голову ломать, со временем все равно все выяснится, он вернулся к столу, взял список сторожей и все прочие нужные ему данные. Посмотрев на часы, Гуров понял, что к сторожам идти еще рано, а вот в ателье наведаться вполне можно.

– Лев Иванович, может быть, вы машину возьмете? Все быстрее будет, – предложил ему Кедров. – Да и в тумане нашем тогда плутать не придется.

– Нет, Афанасий Семенович, хочу пешком пройтись и свежим воздухом подышать, – отказался Лев. – Да и успокоиться мне надо – давненько я с такими сволочами не сталкивался.

Он надел куртку с шапкой и, попрощавшись с Кедровым, вышел. Погода была сырая и промозглая, густой туман бодрости духа тоже не добавлял. Так в придачу ко всему этому, завывая в ветках деревьев, дул такой ветрище, спастись от которого было невозможно, и радовало только то, что он должен был разогнать туман. Конечно, можно было вернуться в управление за машиной, но у Гурова даже мысли такой не возникло, и на это было несколько причин. Во-первых, он не зря в кабинете Кедрова обострил ситуацию до предела – таким образом сделал первый ход, вызывая огонь на себя, и теперь ждал, что предпримет противник, Сафонов. В том, что ему уже сообщили обо всем, что произошло в управлении, Лев ни секунды не сомневался, потому и, дослав патрон в ствол, переложил снятый с предохранителя пистолет из наплечной кобуры в карман куртки, да еще и в руке его держал. А вторая причина была в том, что ему еще предстояло найти бывшего уголовника по кличке Тихий, который здорово помог ему в прошлый раз и, как он надеялся, поможет и сейчас. И светить его Гуров ни в коем случае не хотел, так что лишние свидетели были ему не нужны.

Он медленно шел, чутко прислушиваясь к окружавшей его пелене тумана, когда не столько на слух, сколько благодаря выработанному десятилетиями чувству приближающейся опасности, которое давало о себе знать, словно звоночек в голове звенел, понял, что за ним шли как минимум три человека. Он прибавил шаг, потому что не зря запоминал дорогу и знал, что через несколько домов будет переулок. Главное, чтобы его там не ждали. Дойдя до переулочка, он достал пистолет и стал заворачивать за угол по широкой дуге. И совершенно правильно это сделал, потому что прут арматуры просвистел в нескольких сантиметрах от его лица. Он остановился и встал таким образом, чтобы и те, кто шел сзади, и тот, кто только что пытался ударить его прутом, оказались в поле зрения, хотя это были всего лишь размытые туманом силуэты. Стрелять на поражение Гуров не собирался, а выпустил пулю в землю и одновременно приказал:

– Стоять!

Фигуры растерянно замерли на месте, но вот больше он ничего сделать не смог, потому что не успели стихнуть звуки его голоса и выстрела, как где-то сбоку вспыхнули противотуманные фары автомобиля, высветив фигуры в черных масках. Они сорвались с места и бросились бежать в разные стороны, а выскочившие из автомобиля мужчины с криками: «Стой! Полиция!» – за ними. Лев никуда бежать не стал – возраст уже не тот, чтобы за кем-то гоняться, а подошел к брошенной машине и встал рядом, дожидаясь, когда все вернутся обратно. И действительно, через несколько минут к автомобилю подошли запыхавшиеся мужчины, среди которых он увидел Чернова и еще двух офицеров.

– Это была малохудожественная самодеятельность? Или Кедров послал? – спросил Гуров.

– Господин полковник! Ну, не все же в деревне дураки! – ответил ему Чернов. – Сначала вы, простите за откровенность, грубо и безжалостно смешали всех этих сволочей с дерьмом, цинично надругались над их светлыми надеждами на будущее, коленом под зад вышибли со службы, а потом, отказавшись от машины, в таком-то тумане, когда и местный заплутать может, отправились пешком по малознакомому городу. Ну, понятно же, что вы хотели посмотреть, как эта компания на все отреагирует. Так дело было?

– Правильно мыслишь, капитан, – усмехнулся Гуров. – Но, если я так поступил, значит, на свои силы рассчитывал. И хоть одного бы, но скрутил. А вы? Кого вы задержали? Может, не стоило фары включать и во весь голос орать, а подойти тихой сапой и повязать без лишних слов?

– Так-то оно так! И упреки совершенно справедливы – лопухнулись мы, – честно сознался Чернов. – Хотели на испуг взять, а они через заборы, как козлы, сигали, вот и ушли. Только тут в другом дело. Среди тех, кого мы сегодня торжественно из кабинета выпроводили, есть казачок посланный. Вот он-то мне и позвонил! И сказал, что Никитин обо всем Сафонову доложил, а тот его успокоил, сказал, чтобы не дергался, что ситуацию он разрулит, а вот вы, господин полковник, до утра не доживете! Но о том, какими силами готовится нападение на вас, ничего не сказал. Вот мы и решили вас подстраховать! Вас ведь могли просто расстрелять.

– А вот теперь я тебе скажу, капитан, что тех уголовников, которые могли бы это сделать, в области уже нет, а те, что остались, на такое не пойдут, и я это точно знаю! – уверенно сказал Гуров. – Они не дураки и очень хорошо себе представляют, что с городом будет, если меня здесь убьют, – его же в блин раскатают. А с теми, кого Сафонов мог на меня натравить, я бы и сам справился. И поверь мне, что это не бахвальство, потому что я служу в милиции дольше, чем ты на свете живешь! Но за то, что захотели меня подстраховать, спасибо.

– То есть вы изначально знали, кто может на вас напасть? – воскликнул Чернов, и Гуров кивнул. – Вы знаете, мне показалось, что это были...

– Стоп, капитан! – резко сказал Гуров. – Ты молчать умеешь?

– Так точно, господин полковник! – несколько растерянно ответил тот.

– Вот и молчите! – приказал Лев. – И ты, и остальные! И о том, кем вам нападавшие показались, и о самом нападении! Пока молчите! А то вы мне все дело испортите! Я с тобой и остальными здесь не встречался! Ясно? Так надо!

– Так точно! Понял! Есть молчать! – ответил Чернов, но, судя по его виду, не очень-то он и понял.

Тут зазвонил сотовый Гурова. Это оказался Кедров, который взволнованно спросил:

– Лев Иванович! У вас все в порядке? А то тут дежурному сообщение пришло, что в центре города стреляли.

– Не волнуйтесь, Афанасий Семенович! Я жив-здоров и стрелял тоже я, но в землю, так что никто не пострадал, – успокоил его Гуров. – Просто некоторые люди захотели излишне близко со мной познакомиться, а мне это не понравилось.

– Так, может... – начал было Кедров.

Но Гуров не дал ему продолжить:

– Мне ничего не надо, – отключил телефон, а потом обратился к Чернову: – Ну, раз вы уже здесь, то отвезите меня к Леше.

Как оказалось, он не дошел до ателье всего несколько домов. Не так уж много времени прошло с момента их встречи, так что Леша его сразу же узнал, и напоминать ему ничего не пришлось – на Востоке люди долго помнят добро, которое для них сделали. А вот разговор у них получился с большим трудом, потому что портной, привыкший к тому, что ему всегда переводит дочь, по-русски почти не говорил, да и его подмастерья знали его с пятого на десятое. Так что ничего нового Лев не узнал, а только еще раз услышал о том, что Леша собирается через несколько месяцев уезжать в связи с окончанием срока контракта.

Выйдя из ателье, Гуров увидел, что Чернов и остальные так и ждут его в машине, хотя он и сказал, что они могут возвращаться в управление. Сначала он хотел возмутиться, а потом подумал, что второй раз на него сегодня уже вряд ли нападут, так что нечего из себя больше приманку изображать, а лучше с комфортом доехать до больницы. Но вот там он уже серьезно сказал, что они ему больше не нужны, потому что помочь ничем не смогут, а вот помешать – запросто. Офицеры покорно уехали, а он вошел в больницу.

Сменив куртку с шапкой на медицинский халат и бахилы, он пошел в отделение травматологии, где в двенадцатой палате лежал Зайцев. Поскольку в деле имелась фотография, Гуров его сразу же узнал, да даже не будь снимка, он не ошибся бы, потому что вторым больным в палате был седой старик очень преклонного возраста, который сейчас спал. Анатолию Борисо-

вичу было на вид лет сорок, и он принадлежал к тому типу мужчин, которых принято называть «мачо». Обе его ноги были загипсованы и находились на вытяжке, а вот синяки со ссадинами уже прошли, и выглядел он неплохо. Гуров прошел и сел на стул рядом с его кроватью. Услышав шум, тот открыл глаза и посмотрел на посетителя.

– Здравствуйте! Я полковник полиции Гуров Лев Иванович, прибыл из Москвы, чтобы расследовать совершенные в городе преступления, в том числе и нападение на вас. Я понимаю, что вы неважно себя чувствуете, но мне крайне необходимо задать вам несколько вопросов.

– Спрашивайте, – ответил тот слабым голосом. – Но я ведь уже все рассказал.

– И все-таки постарайтесь максимально подробно вспомнить все, что предшествовало нападению, – попросил Лев. – Может быть, вам кто-то угрожал, были какие-то странные звонки или встречи. Словом, меня интересует все, что может иметь к преступлению хоть какое-то отношение.

– Да ничего не было, ни звонков, ни встреч. В тот день мы, как обычно, позанимались, а к десяти часам я ребят отправил обратно в интернат. Прибрался и направился к себе в общежитие – я же приезжий. Пришлый, – чуть усмехнулся он. – Шел, никого не трогая, и вдруг почувствовал удар сзади по голове, а потом темнота. Вот и все!

– Значит, как я понял, в Новоленске у вас ни с кем никаких конфликтов не было? – Тот осторожно помотал головой. – Вы мужчина интересный, может быть, отбили у кого-то девушку или что-то в этом духе?

– Лев Иванович, я еще после развода не отошел, мне не до женщин, – объяснил он. – Почему, вы думаете, я здесь в общежитии оказался? А выставила меня супруга с одним чемоданом. Куда мне было идти? Узнал, что здесь учитель физкультуры требуется, вот и приехал – не на вокзале же жить или к родителям в деревню ехать.

– Сочувствую, а раньше где жили и работали? – спросил Гуров.

– В Якутске, – ответил Зайцев. – Там и родился, и спортом занимался – вольной борьбой, хотя выше кмс не поднялся, и институт закончил, и женился, и развелся.

– А не может быть, что это кто-то из ваших тамошних знакомых решил вам за что-то отомстить? – предположил Лев.

– Да бросьте вы! Я человек неконфликтный, – покачал головой Зайцев и, взяв с тумбочки пол-литровую бутылку с минеральной водой, допил все, что в ней оставалось, объяснив при этом: – Мне тут ребята гостинцев принесли, соленья разные, вот и хочется пить.

– Понимаю, – кивнул Гуров и продолжил: – А ваша бывшая супруга? Кстати, причиной развода можно поинтересоваться?

– Почему нет? Нашла себе более перспективного и денежного. А с учителя физкультуры какой пожиток? – усмехнулся он. – Она у меня бывшая гимнастка, женщина стройная и интересная, ну да бог с ней.

– То есть с ее стороны никаких претензий к вам нет? – уточнил Лев.

– А какие могут быть? – удивился тот. – Квартира изначально ее была, детей у нас нет – у гимнасток частенько с этим проблемы бывают, особого добра не нажили, так что делить нечего было.

– Да, непонятно, кто же мог так на вас обозлиться. Хотя, знаете, у меня такая мысль возникла: а не перепутали ли вас с кем-нибудь? – помолчав, спросил Гуров.

– Знаете, а может быть, – подумав, сказал Зайцев. – Напали-то со спины, лица не видели. На мне куртка была, в которых полгорода ходит, так что да, могли и перепутать.

– Ладно, разберемся. Ну, поправляйтесь! – Гуров поднялся и вышел из палаты.

Но сразу из больницы он не ушел, задержался, потому что ему требовалось кое-что сделать, и, только закончив с этим, он пошел вниз. Из больничного холла он позвонил Романову. Гуров терпеть не мог просить кого-нибудь о помощи, но сейчас был тот случай, когда без нее

было не обойтись. И не потому, что нападение могло повториться, а потому, что время поджимало, а дел еще было много, и все их нужно было завершить именно сегодня.

– Саша, мне нужна машина, а то я буду бродить в вашем городе, как ежик в тумане, – сказал Лев. – Прости за наглость, но мне бы хотелось, чтобы ты сейчас направил к областной больнице именно Кузьмича.

– Давно бы так! – воскликнул Романов. – Я и то удивился, когда ты отказался от машины, которую тебе Кедров предложил. Кстати, а что это ты стрелять вздумал? Кто это с тобой решил так тесно пообщаться?

– Потом расскажу, – пообещал Гуров.

– Ладно, подожду, – согласился Саша. – А Кузьмича я сейчас к тебе пришлю.

Этот водитель, возивший еще бывшего губернатора, которому был беззаветно предан, перешел к Романову как бы по наследству от тестя и пользовался полным доверием и того, и другого. Он прожил в Новоленске всю жизнь и мог быть очень полезен Гурову, во всяком случае, адрес Тихого ему было выяснить и легче, и быстрее, чем Льву. Он стоял, обдумывая то, что ему еще предстояло сделать, когда услышал звук автомобильного гудка. Он очнулся и пошел к машине. Когда он сел, Кузьмич спросил его:

– Ну, Иваныч, куда едем?

– погоди. Вот ты, наверное, почти всех в городе знаешь, так не слышал ли о таком человеке – Захаров Кондрат Силантьевич? – спросил Лев.

– Кондрашка, что ли? Уголовник бывший? – уточнил шофер.

– Он самый, – подтвердил Гуров.

– А чего это он тебе понадобился? – удивился Кузьмич. – Он давно завязал, живет тихо. Ты думаешь, это он со своими ребятами к нападениям причастен?

– Да нет, не думаю. Проконсультироваться с ним хочу, – объяснил Лев.

– Ну, тогда поехали, – сказал шофер, заводя машину.

– погоди, – остановил его Гуров. – Давай к сторожам, а потом уже к нему.

Сначала они подъехали к нотариальной конторе, возле которой произошло одно из нападений, и Гуров начал стучать сначала в дверь, а когда это не помогло, то в окно. Через некоторое время там показалось лицо пожилого мужчины. Гуров приложил к стеклу свое открытое удостоверение, но тот только покачал головой, давая понять, что не откроет. Но когда увидел рядом с Гуровым Кузьмича, дверь быстро открылась. Рассмотрев Льва как следует, мужчина сказал:

– погодите, вы же у нас тут вроде уже были?

– Да был он здесь! Был! – подтвердил Кузьмич. – Героев надо в лицо знать!

– Брось, Кузьмич! При чем тут герои? – поморщился Лев и обратился к сторожу: – Я по поводу нападения на китайцев, которое здесь произошло. Вы извините, что я так поздно, когда вы уже на работе, но я это сделал специально, потому что мне нужно знать, как именно это случилось и что конкретно вы видели из окна.

– Так я уже все милиции рассказал, – удивился тот.

– Ты что, рассыплешься, если повторишь? – возмутился Кузьмич.

– Ну, тогда пошли, я вам все покажу, – согласился сторож.

Они вошли в помещение, он подвел их к окну и начал рассказывать.

– Дело было в ночь с 13 на 14 апреля – вот и не верь после этого в чертову дюжину! Ну, стоял я вот здесь и курил в форточку. Смотрю, два китайца вот так, – он ссутулился и свел руки на груди, – вон оттуда – вон туда, – он показал рукой, – просеменили. А тут на них эти налетели! Четыре человека их было. Одежку не разобрал, совсем обычная была, а вот то, что рожи черные, хорошо помню. Ну, думаю, сейчас они этих бедолаг отделают, как бог черепаху. Таких ведь случаев уже три штуки было, это четвертый. За телефон схватился, чтобы милицию вызвать, да так с трубкой в руке и застыл. Рот раззявил и глазам своим не верю. Мать чест-

ная! Эти китайцы как начали этих четверых метелить! Батюшки-светы! Минуты не прошло, а хулиганы вот так, – он скривился и раскинул руки, – на земле разлеглись и ни мур-мур! А это все их китайское ушу-шушу! Я телевизор смотрю, видел, как они там умеют драться! Один человек пятерых запросто уложить может, а здесь их целых два было! То-то они оторвались и за своих отомстили! А потом с хулиганов этих черные маски посдергивали, нагнулись над ними, посмотрели на рожи их и словно в воздухе растворились. Тут я очнулся и стал милицию вызывать. Да только к ее приезду хулиганов уже и близко здесь не было, кое-как поднялись и прочь пошкандыбали. Ну, я все, как было, наряду рассказал, да только, боюсь, мне не поверили, но вот пятна крови, что на земле остались, в карман не спрячешь! Это доказательство, что не приснилось мне все это! Не привиделось!

– Скажите, почему вы решили, что это были китайцы? – спросил Гуров.

– А кто же еще? – удивился сторож. – Их одежка! У нас так только они одеваются. Борис Львович где-то ее закупил в большом количестве, вот им и выдали ее, как спецовку на заводе. Куртка защитного цвета на ватине с серым овчинным воротником, а под ним пуговица, чтобы его при ветре можно было поднять и застегнуть. Штаны такие же утепленные. Валенки с резиновым низом. Да шапки тоже из серой овчины. Китайцы обычно уши у них опускают и тесемки под подбородком завязывают, чтобы теплее было. Да и походка их была, они так же семячат, когда холодно.

– То есть вы решили, что это были китайцы исключительно из-за одежды и манеры ходить? – уточнил Гуров.

– Ну да! – кивнул мужчина, а потом, уставившись в стену взглядом, задумался.

Кузьмич собрался было что-то сказать, но Лев строго посмотрел на него, и тот смолчал, хотя видно было, что недоволен. А мужчина, помолчав, медленно сказал:

– Вот вы сейчас спросили, и я вспомнил. Понимаете, а ветер-то был! И неслабый! А вот воротники у этих китайцев были опущены и уши у шапок сами по себе болтались. Может, просто уже притерпелись к нашим холодам?

– Человек ко всему привыкает, – заметил Лев и, поблагодарив сторожа за рассказ, ушел вместе с Кузьмичом.

Когда они сели в машину, водитель, забыв свое бывшее недовольство, удивленно сказал:

– Иваныч! Что же получается? Это вовсе не китайцы были? Или среди них действительно мастера восточных единоборств есть, которые по ночам ходят и этих хулиганов наказывают?

– Не торопись судить, Кузьмич, посмотрим и послушаем, что остальные скажут, – задумчиво ответил ему Гуров.

Как вскоре оказалось, остальные случаи – первое нападение и попытка похищения Люси не в счет – прошли по аналогичному сценарию.

– Ну, вот теперь и к Кондрашке, как ты его зовешь, ехать можно, – предложил Лев.

Дом Тихого находился почти в центре города в одном из переулков и выглядел основательно и добротно. Гуров постучал в калитку и был тут же беспощадно облян собакой. На ее голос откликнулась и хозяйка, крикнувшая с крыльца:

– Чего надо?

– Кондрат Силантьевич дома? – спросил Лев.

– А кто это к нему на ночь глядя? По голосу, так чужой кто-то, – настороженно сказала она.

– Ты мне еще поспрашивай! Побухти! – раздался за спиной у Гурова голос Кузьмича. – К хозяину пришли! Не к тебе! Твое дело дверь открыть да стол накрыть!

– Кузьмич? Ты, что ли? – крикнула она. – А это кто с тобой?

– Нет, Клавдя! Ты у меня сейчас точно слышишь! – пригрозил шофер. – Кто надо, тот и пришел!

– Ну, проходите, коли так. Цыть, Дружок! – прикрикнула она на собаку.

Пока они шли через двор, Гуров спросил:

– Ты откуда ее знаешь?

– Так наши дворы задами граничат – мой дом в соседнем переулке стоит. Я ее всю жизнь знаю, – объяснил тот. – Красивая девка в молодости была, но беспутная! И детей непонятно от кого нарожала, и на зоне не раз отбилась. И ведь попадала туда по собственной дурости, а детей бабка воспитывала. Это хорошо, что Кондрашка ее к рукам прибрал, он ее в строгости держит. А как иначе? Клавде крепкая узда нужна, а то она опять сорвется и таких дел натворит, что сама рада не будет.

Они вошли в дом и, вытерев ноги о половики возле двери, направились в комнату, причем Кузьмич впереди.

– Плифет, Кусьмить! – радостно приветствовал гостя Тихий.

Понять этого бывшего уголовника неподготовленному собеседнику было очень сложно – он не выговаривал половину алфавита, но был при этом человеком разговорчивым и по поводу дефекта речи не комплексовал. Сейчас он сидел на диване, на коленях у него примостилась девочка в колготках и кофточке – в доме было очень тепло, а он сам приговаривал:

– Сейтяс тепе тетушка манталинтик потистит, – и действительно снимал с мандарина шкурку.

– Ты тиво длазнисся? – обиженно надула губы девчушка и даже собралась слезть с его колен.

– Солнышко! – бросилась к ней Клавдия и посадила ее на место. – Дедушка не дразнится! Дедушка у нас так разговаривает!

– Добрый вечер, Тихий, – сказал Лев, выходя из-за спины водителя.

– Кулоф! Мы с топой, сто, по колесам? Ты тефо в кости плисол, несфаннный, несданнный?

– Остынь, Кондрашка! Со мной он, дело у нас к тебе, так что ты, Клавдя, с угощением не затевайся, мы ненадолго, – веско сказал Кузьмич, садясь к старомодному круглому столу, покрытому бархатной скатертью, каких в Центральной России уже не встретишь.

– Снаю я это тело, Кулоф! – не унимался Тихий, вручив девочке очищенный мандарин и спуская ее на пол. Она побежала в другой угол комнаты, забралась с ногами на стул и принялась с интересом наблюдать за происходящим. – Непось, хотесь уснать, не насых ли лук тело эти напатения? Так это не мы!

– Это я и без тебя знаю, – отмахнулся Лев и тоже сел. – Помощь твоя нужна.

– А не нанимался я ментам помокать! – огрызнулся тот. – Отин лас я тепе топлое тело стелал, и путя!

– Тихий, угомонись! – поморщился Гуров. – За то доброе дело я тебе уже один раз спасибо сказал и снова говорю. Только сейчас ты доброе дело сделаешь уже не мне, а всему городу. Сам подумай, как вы будете жить, если китайцы отсюда уедут?

– Ну и пусть уессают! Мы пес них сыли и есте плюсыдем! – огрызнулся тот.

Увидев, что взрослые ругаются, девочка тихо сползла со стула и выскользнула из комнаты, а так и не тронутый мандарин остался лежать на стуле.

– Э, нет, Тихий! Не проживете! Ты сам, твоя жена, пасынки с падчерицами пойдете навоз из-под коров и прочей скотины выгрывать? Клетки на зверофермах и птицефермах чистить? В шахту работать? В теплицах и оранжереях париться? Не пойдете! Значит, что со всем этим будет, если они уедут? А загнется это все! Скотина и птица под нож пойдут! И молоко будет уже не свое, настоящее, а порошковое! И мясо привозное черт-те откуда и черт знает чем напичканное! И мандарин твой внуки уже вот так не бросят! – Гуров показал на стул. – Потому что привозить их будут из-за тридцати земель, где их еще зелеными сняли, чтобы они в дороге дошли! А вот стоять они будут, как чугунный мост! Так что ты один-единственный, причем кислый, мандарин будешь между ними по долькам делить. А они, прежде чем съесть, на эту дольку разнесчастную еще час любоваться будут! И вместо сказок ты им на ночь будешь рас-

сказывать о том, что в былые времена в вашем городе можно было в любое время года зайти в магазин и купить свежие помидоры с огурцами! Только они тебе не поверят! Хочешь такое будущее? Получишь! А мы пошли! – и он встал из-за стола.

– И куда же это вы, даже чаю не попивши? – бросилась к нему Клавдия и усадила обратно. – А ты, Кондратушка, себя так не веди, душевно тебя прошу! – ворковала она, бросаясь теперь уже к мужу. – Ну, где же это видано, чтобы хозяин дома себя так с гостями вел? Так даже плохие люди не делают, а ты ведь у меня хороший! Самый лучший на свете! Вы тут поговорите, а я сейчас! Я мигом! – и она скрылась из виду.

– Ну и сефо тепе нато от моей клесной тусы? – спросил Тихий.

– Я уже сказал: помощь твоя и твоих ребят нужна, причем только этой ночью. Нужно будет по городу погулять, особо себя не афишируя – я тебе скажу, где именно, – и посмотреть внимательно по сторонам. Может быть, ничего и не произойдет, но, может быть, кто-то опять на китайцев решит напасть. Вот и постарайтесь узнать, кто это и что за китайцы такие, которые ни бога, ни черта не боятся. Вмешиваться только в самом крайнем случае, но, пожалуйста, без трупов и тяжких телесных.

– Я тепе, сто, мальсик, по нотям кулять? По нотям люти спят, а не пликлютений истют.

– А чего не прогуляться-то? Я бы тоже с вами пошла! – весело спросила появившаяся с чайником и чашками Клавдия. – Ночью, когда вокруг тишина и покой! Ни тебе выхлопных газов, ни тебе суеты разной! Идешь и полной грудью дышишь в свое удовольствие да на небо любишься! Красота! Ты вспомни, Кондратушка, когда мы с тобой гуляли-то в последний раз? И не старайся! Ни разу мы не гуляли!

– Какое непо? Кте ты там сфесты и луну уфитись? – возмутился тот. – Туман на тфоле!

– Так это еще романтичнее, – не растерялась та, умудрившись за время недолгой, но гневной тирады своего мужа уйти и вернуть с тарелкой пирожков. – Кушайте, гости дорогие! – принялась она потчевать Гурова и Кузьмича, разливая чай. – Сама сегодня утром пекла, свеженькие, с капустой. А вот эти с картошкой.

– Клафа! Какая ломантика? Ты с ума сосла? Не фитнесно ни сги! – уже слабо отбивался от нее Тихий. – Луку вытяни и пальсеф не уфитись! Тепе с тфоим латикулитом в такую покоту только и кулять! А мне потом тепе пояснису фсякой катостью натилать!

– А то тебе это не нравится? – игриво улыбнулась ему она. – Ну, если не хочешь меня с собой брать, так ребят возьми и Дружка заодно. С ним и смотреть ничего не надо! У него нюх такой, что он вам кого угодно сам найдет.

– Ну, собака – это лишнее: залает и спугнет, – возразил Гуров, уже успевший съесть один пирожок и изо всех сил сдерживавшийся, чтобы не взять второй, потому что вкусные они были необыкновенно, а есть хотелось страшно. Он сегодня не обедал и даже успел забыть, что завтракал.

– Ну, нельзя так нельзя! – тут же согласилась она. – Так ребята у Кондратушки почище иного волкодава будут.

– Телт с топой, Кулоф! – махнул рукой Тихий. – Сейсяс лепятам посфоню, стопы сопи- лались. Покуляем мы этой нотью по улисам. Кте хотить нато?

Гуров объяснил ему, что именно его интересует, и Тихий, подумав, решил:

– Токта мы ластелимся, а сфясь по телефону телсать путем. Если кто-то сто-то уфитит, то посфонит.

– Спасибо тебе, Тихий! – сказал Гуров и положил на стол свою визитку. – Звони в любое время дня и ночи. Ты пойми, это очень важно! А посторонних посвящать я в это дело не могу.

Как ни уговаривала их Клавдия еще посидеть, обещая, что скоро ужин будет, Гуров с Кузьмичом ушли, и уже в машине Лев насмешливо спросил шофера:

– Ну, и кто кого в этой семье в узде держит?

– Да, молодец Клавдя! – восхищенно сказал Кузьмич. – Наконец-то поумнела. Так ведь и годков-то ей немало, под шестьдесят уже.

– Да ты что? – удивился Лев. – Прожить такую жизнь и так сохраниться?

– Наследственность у нее хорошая, мать ее тоже до старости лет довольно молодо выглядела, – объяснил шофер. – Ну, теперь домой?

– Поехали, – согласился Гуров. – Все, что можно было здесь сделать, я уже сделал. Дай бог, чтобы погода улучшилась, тогда я на прииск слетаю.

– Так туман уже рассеивается – ветер-то вон какой! – сказал водитель. – К утру, глядишь, и развиднеется.

По пустым в этот час улицам они доехали очень быстро, да и было-то недалеко. Когда машина остановилась у ворот, Хан, услышав знакомый звук мотора, даже не залаял, а Гуров очень серьезно сказал шоферу:

– Кузьмич, о том, где мы были, что видели, что слышали, никому ни ползвучка!

– Даже нашим мужикам? – удивился тот, имея в виду отцов города.

– Даже! В том числе и Романову! – и в ответ на недоуменно-неодобрительный взгляд Кузьмича пояснил: – Я им всем большой сюрприз готовлю.

– Иваныч! А почему мне кажется, что они ему не очень обрадуются? – пристально глядя на него, спросил шофер.

– Потому что живешь давно и не дураком уродился, – усмехнулся Гуров и вышел из машины.

К его удивлению, Кузьмич тоже вышел и объяснил:

– Нечего людей беспокоить, если у меня от калитки ключ есть. Я тебя до двери провожу.

– А то я сам не дойду! – удивился Лев.

– Хочешь близко с Ханом пообщаться? – спросил Кузьмич. – Не советую! Порвет на раз!

– Извини, не подумал.

Кузьмич дождался, пока Лев войдет в дом, и уехал, а встретившая Гурова Наташа радостно сообщила:

– Ну вот! Сейчас и ужинать сядем! Мы без вас не начинали!

К удивлению Гурова, в столовой, кроме Романова, был еще и Фатеев. Они оба, стоя у окна, курили и выпускали дым в открытую форточку. «Странно, чего это Саша в доме вдруг закурил?» – удивленно подумал Гуров, но, встретив бешеный взгляд, которым смерил его генерал, невольно остановился и спросил:

– Что я пропустил?

– Ты какого черта от машины отказался, когда тебе Афоня предлагал? – прорычал Фатеев. – Герой-одиночка, блин! Лихой ковбой с Дикого Запада! Супермен чертов! Борька тебе уже красные штанишки в обтяжку ищет, чтобы уж совсем полное сходство было!

– Лева, ты бы, прежде чем геройствовать, подумал о том, как мы будем твоей жене в глаза смотреть, если с тобой здесь что-нибудь случится! – мрачно заявил Романов. – О том, что мужики мне за тебя голову оторвут, я уже не говорю! В очередь выстроятся! Да еще и передерутся между собой, потому что каждый захочет первым быть!

– Все! – решительно заявил Фатеев. – Без охраны ты больше шагу не ступишь! И это не обсуждается!

– А виновнику торжества высказаться можно? – чувствуя, что начинает заводиться, ернически спросил Гуров. – Интересно, и как же это я, мальчоночка беспомощный, умудрился до седых волос дожить при своей-то работе? – начал он, да вот только продолжить ему не дали, потому что прозвучал поистине генеральский рык:

– Господин полковник! Извольте подчиняться старшему по званию!

– Я не нахожусь в вашем прямом подчинении, – огрызнулся Гуров, даже не заикнувшись о том, что Фатеев в свое время был лишен звания и наград за то, что одни люди посчитали самосудом, а другие – настоящим мужским поступком, потому что это было бы подло.

– А я не о себе говорю, а о вашем прямом начальстве! – рявкнул Фатеев. – О генерале Орлове и заместителе министра! Услышав о том, что вы позволяете себе вытворять, оба ничуть не удивились, зная ваш бешеный характер, но дали генералу Кедрову все возможные полномочия, чтобы привести вас в чувство! Вплоть до немедленной отправки в Москву! – и, сменив гнев на милость, уже мягче сказал: – Лева! Ты об отце с матерью хоть когда-нибудь думаешь? Ты ведь у них один, даже внуков нет. Что с ними будет, если тебя убьют?

– А то они не знают, что я не цветы выращиваю, – буркнул Гуров.

– Лева, я понимаю, что ты привык всегда сам о себе заботиться, но годы-то свое берут, – домашним голосом говорил Василич. – Вот ты в прошлый раз силы свои не рассчитал и рванул по тундре на лыжах! И чем дело закончилось? Десять дней, как миленький, в больнице отвалился! Сколько было тех, кто хотел на тебя напасть?

– Минимум четыре человека: трое сзади шли, а один за углом с арматурой ждал, – нехотя ответил Лев, естественно, не сказав о том, что его, оказывается, страховали, причем без его просьбы и согласия, а по собственному почину.

– Ну вот! И что было бы, если бы они сбили тебя с ног? – спросил Фатеев. – Да своими ногами и арматурой забили бы насмерть! А тут еще погода, как на заказ! Туман такой, что ни черта не видать! Людей потом хоть пытай, а они ничего увидеть просто не могли, так что и свидетелей бы не было. Ладно! Будем надеяться, что ты все понял и от охраны сбежать не попытаешься! Кто за этим стоит, уже понятно – Сафонов со своими поделщиками, которых ты с работы вышиб.

– Теперь я понимаю, почему ты попросил меня убрать его из управления на сегодняшний день – хотел без него там со всеми разобраться! – сказал Саша. – Да, лихо ты их размазал! Ты что, раньше Сафонова знал? Что же ты ничего не сказал?

Гуров не успел ответить, потому что Романова перебил Фатеев:

– Сашка! Подожди! Это все ты и потом успеешь выяснить! Лева! Чьими руками они действуют? У тебя уже есть какие-нибудь соображения на этот счет?

– Есть, но я ими пока делиться не буду – вдруг ошибаюсь? – ответил Гуров.

– Ты никогда не ошибаешься! – отмахнулся от него Романов.

– Но должен же быть когда-нибудь первый раз, – возразил Лев. – Кстати, свежие распечатки готовы?

– На, держи, – сказал Романов, протягивая ему листки.

Гуров просмотрел их и хмыкнул:

– Я так и знал!

– Лева! Не крути! – вцепился в него Федор Васильевич. – Ты что-то знаешь, но не хочешь сказать! И не надо отговариваться тем, что ты можешь ошибаться!

– Лева! Кролики из цилиндра – это красиво, зрелищно и эффектно, черт побери! – напористо и очень раздраженно говорил Романов. – Но сейчас не тот случай, чтобы выпендриваться! Шквал аплодисментов мы тебе потом обеспечим, все ладони отобьем! И «ура» кричать будем! Но потом! А сейчас, будь добр, поделись своими подозрениями!

– Я уже все сказал, – отрезал Гуров и возмутился. – Да что вы в меня вцепились? Одни сутки подождать не можете? Если погода позволит, я завтра к Батюшкиным слетаю. Потом результатов медосмотра дождусь, тогда и буду делать предварительные выводы.

– А если этой ночью опять на китайцев нападут? И убьют кого-нибудь из них, не приведут господи? Как ты тогда со своей совестью договариваться будешь? – бушевал Романов.

– Не дави! – огрызнулся Гуров, потому что хоть уже подстраховался на этот случай, но вдруг произойдет какая-то накладка. – Скажи лучше, для завтрашнего медосмотра в интернате все готово?

– Да, Тамара все сделала. Она предложила поступить так: кровь и мочу у них возьмут прямо на месте до завтрака, а потом их автобусами в больницу отвезут на кардиограмму, флюорографию и все прочее. Я подумал и согласился.

Гуров стоял возле другого окна и, глядя во двор на метавшиеся под ветром кроны деревьев, раскачивался с носка на пятку. Конечно, можно было бы подождать, как будут развиваться события сами по себе, но его, несмотря ни на что, очень беспокоила предстоящая ночь, да и завтрашний день тоже, вот он и решил немного подстегнуть ситуацию.

– И правильно сделал, – сказал Гуров, поворачиваясь к Романову. – Только я бы тебе еще посоветовал завтра охрану и возле интерната, и возле больницы поставить, да и в самих зданиях за подростками приглядывать.

– Что с интернатом не так? – аж подскочил Романов.

– Это еще зачем? – мигом насторожился Фатеев.

– Ну, предположим, какая-нибудь из девочек знает, что беременна или больна чем-то нехорошим. Вот она и может попытаться сбежать, чтобы никто ничего не узнал. Да и парням, бывает, есть что скрывать.

Фатеев же стоял все это время молча и, глядя в пол, усиленно соображал, а потом заявил:

– А поставлю-ка я уже сейчас вокруг интерната охрану – чего до утра ждать? Посидят в машинах, понаблюдают. Авось и увидят чего-нибудь. – Он пристально посмотрел в глаза Гурову, и тот его взгляд выдержал.

– Василич! И ты туда же? – возмутился Романов. – Что они смогут увидеть ночью, если после десяти часов все воспитанники на месте?

– Значит, просто посидят, – настаивал тот. – Пусть анекдоты потравят. А уж утром, Саша, я его оцеплю так, что даже мышь не проскочит ни туда, ни оттуда. И врачей с медсестрами, которые кровь брать будут, тоже охраной обеспечу! Есть у меня боевые девчата, иному мужику сто очков вперед дадут и обыграют! Возьму у Тamarки для них халаты медицинские, вот они от остальных отличаться и не будут. Я вас правильно понял, господин полковник?

– Господин генерал! Это вы командуете объединенными службами безопасности, вам и решать. Но по моему скромному мнению, охрана никогда лишней не бывает, – ответил Гуров.

– В том числе и у тебя, не забывай! – напомнил Фатеев. – Да, впрочем, ты из этого дома сможешь выйти только с Сашкой, Наташкой или Кузьмичом, потому что Хан тебя одного не выпустит. Он зверь серьезный, шутить не любит! И проверять это я никому не посоветую!

– Вы меня еще на ночь наручниками к спинке кровати пристегните, – буркнул Гуров. – Только, Федор Васильевич, не надо сегодня такую явную охрану у интерната ставить, пусть уж лучше рядом с входом какая-нибудь машина сломается и застрянет там до утра.

– Разумно, – подумав, согласился Фатеев.

Романов же рухнул в жалобно скрипнувшее под его тяжестью кресло и потухшим голосом спросил:

– Лева! Неужели это были старшекласники из интерната? Но как? Зачем? Почему? – Наверное, никто и никогда в жизни не видел Романова таким растерянным.

– Если я все правильно просчитал, то да, – сказал Гуров, решив, что раз Фатеев все понял, то он сам все сможет рассказать, причем не только Романову, но и всем остальным, а вот это было уже нежелательно. – Подробности пока опущу, но это они. Странно, что ни один человек в вашем управлении до этого не дошел своим умом, потому что это настолько очевидно, что просто в глаза бросается. Все нападения, кроме избиения Зайцева, происходили ровно через три ночи на четвертую, а охранники в интернате работают...

– Сутки через трое! – воскликнул Романов и застонал.

– Вот именно! – подтвердил Лев. – Один из охранников, а сегодня как раз его дежурство, ночью выпускал старшеклассников, и они отрывались как хотели, а утром оказывались с битыми рожами, и никакие тренировки тут ни при чем. Так что нужно будет их кровь сравнивать с той, что полиция на месте происшествий нашла, чтобы уже точно знать, кто виновен, а кто – нет. Работы хватит до утра и криминалистической лаборатории тоже.

– Так, может, лучше задержать их, когда они выйдут? – спросил Василич.

– Ну, и что мы им предъявим? – спросил его Гуров. – Что они решили ночью выйти погулять? Ну, вернем мы их обратно – не в «обезьянник» же их за это сажать? Только тогда они насторожатся и могут постараться завтрашней диспансеризации всеми возможными способами избежать. Могут, например, в спальне забаррикадироваться или еще что-то учудить. Что же тогда, на штурм идти? Вот уж шуму-то будет! Скандал разразится такой, что мало никому не покажется, а вы всегда хотели его избежать. По-моему, будет лучше, если они на улицу не выйдут совсем – мало ли у кого и по какой причине могла машина сломаться?

– Правильно решил, – одобрительно заметил Фатеев. – Только у интерната запасной выход есть, вот и посажу я там неподалеку несколько забулдыг, чтобы попьанствовали на свежем воздухе.

– Но я вас убедительно прошу, чтобы никто, кроме нас троих, больше об этом не узнал, – предельно серьезно и очень настойчиво сказал Гуров. – И дело тут даже не в моем пристрастии вытаскивать кроликов из цилиндра, а в том, что может произойти утечка информации.

– Ты хочешь сказать, что кто-то из наших мужиков ссучился? – нехорошим голосом спросил Фатеев.

– Я хочу сказать, что одного из них лихо подставили! – поправил его Гуров. – И сделал это человек, которому он доверяет, или просто кто-то из близких. Поэтому обо всем знаем пока только мы трое, и не дай бог, если узнает кто-то еще. Старшеклассников в школах, конечно, тоже проверить надо. Может, кто-то из них в чем-то и грешен, но они ведь с родителями живут, так что их похождения или неадекватное поведение незамеченными бы не остались. Но основной упор нужно сделать на интернат, потому что воспитатели там при всем желании за всеми уследить не могут, а может, и не хотят. Вот подростки и стали легкой добычей для негодяя.

– Имя! – жестко потребовал Фатеев. – И не говори, что ты его не знаешь! Не доводи до греха! Христом-богом тебя прошу! У меня ведь нервы не железные!

– Неужели вы еще сами не поняли? – усмехнулся Гуров.

– А ну кончай над нами издеваться! – взревел генерал.

– погоди, Василич! – воскликнул Саша, уставившись на распечатки. – Лева, ты просил меня пробить звонки Сафонова! А он, оказывается, часто с Зайцевым разговаривал! Ну, тем учителем физкультуры из интерната! – пояснил он Фатееву. – Лева! Что же получается? Это Зайцев? – Гуров кивнул, и тот схватился за голову: – Господи! Да что же будет, когда все это откроется? Люди же меня на кусочки растерзают, и будут правы! Как же я не уследил?

– Брось, Саша! У тебя область на плечах, да еще свое хозяйство в придачу – не разорваться же тебе, – попытался утешить его растерянный Фатеев, но тот только мотал головой и глухо, сквозь зубы матерился.

Поняв, что Романов его все равно не слышит, Федор Васильевич повернулся к Гурову:

– Лева, у тебя есть хоть какое-то предположение о том, кто за всем этим стоит и чего добивается? – Гуров в ответ пожал плечами. – Ты нам только направление укажи, а уж дальше мы сами! Ты нас знаешь! – напористо говорил он.

– В том-то и дело, что знаю, – буркнул Лев. – Потом трупов будет не сосчитать! Поймите, подростки для неизвестных мне пока людей – просто средство достижения цели, расходный материал. Непосредственный исполнитель – Зайцев, его крышует...

– Уже все поняли! Сафонов! – воскликнул Саша и схватился за голову.

– Конечно! Такие вещи без прикрытия не делаются! Смотрите сами. – Сев к столу, Гуров достал блокнот и положил рядом распечатку, радуясь тому, что они есть и не придется рассказывать о встрече с Черновым и его друзьями. – Вот это номер телефона Никитина, – он ткнул пальцем в блокнот. – После того как я выгнал их всех из управления, он позвонил Сафонову, – тут Гуров показал на строку в распечатке. – Тот тут же позвонил Зайцеву, – Лев показал на строку в другой распечатке. – И в результате меня встретили! А кого Зайцев мог на меня натравить? Только тех, кого успел приручить, то есть старшеклассников из интерната. А вот кто стоит над Сафоновым и Зайцевым, большой вопрос. Потому и прошу: молчите! Но вот распечатки с телефона Зайцева мне нужны с самого момента его здесь появления, ты слышишь, Саша? И чтобы каждый вечер были новые и его телефона, и, напоминая, Сафонова.

– Слышу и все сделаю! – тусклым голосом отозвался Романов.

– Ну, хоть какие-то мысли у тебя есть? – не отставал от него генерал.

– Да, твою мать! – не выдержав, заорал Гуров. – Я вам что, Ванга? Или Вольф Мессинг? Все мои логические построения основываются только на фактах или уликах, а у меня пока и тех и других с гулькин нос!

Он лукавил, кое-какие мысли у него уже были, и кое-что в этом направлении он уже сделал, обратившись к Тихому. Но выскажи он свои соображения вслух, эти двое в него вцепятся так, что не отобьешься.

– Сказал же! Давайте подождем только одни сутки! – продолжал Лев. – Даже если я не смогу вылететь к Батюшкиным, то анализы нам все-таки кое-что прояснят.

– Уж не наркотой ли снова запахло? – спросил Фатеев, взглянув в глаза Гурову и, поняв, что так и есть, обреченно вздохнул. – Значит, опять война!

– Теперь я понимаю, почему ты сказал, чтобы кровь у старшеклассников на наркотики брали, а я еще возражать стал! – глухо простонал Саша. – Значит, ты сразу все понял, а я, дурак, на глазах у которого все происходило, не догадался. Да-а-а! Зря тесть на меня область оставил, не справляюсь я.

– Так ты работаешь-то всего ничего, – стал утешать его генерал. – Потерпи! Втянешься, и все пойдет как по маслу. Не боги горшки обжигают!

Есть хотелось все сильнее и сильнее, и Гуров решил вмешаться, чтобы вернуть всех к прозе жизни:

– Хозяин! Ты меня кормить собираешься? Наталья мне обещала ужин, а его и в помине нет.

– Да поняла она, что у нас серьезный разговор, вот и решила подождать, – объяснил Романов.

– Ладно, пойду я, мне еще бойцов озадачивать надо, – сказал Фатеев.

– Подождите, Федор Васильевич, – остановил его Гуров. – Это еще не все! Нужно будет провести по возможности максимально незаметные обыски. Первый – в комнате Зайцева в общежитии, но это лучше сделать завтра, когда большинство жильцов уйдет на работу. Вряд ли он там что-то держит, но чем черт не шутит? А вот второй нужно провести этой ночью в том подвале, где он с подростками занимался. И шмонать нужно по полной программе, я думаю, там много чего интересного найдется, но ничего не трогать и не уносить, а оставить засаду, потому что, как только в городе шум поднимется, а это будет уже завтра к вечеру, туда обязательно кто-то наведается, чтобы следы замести. Вы свяжитесь с Кедровым, у него подходящие квалифицированные кадры для этого дела найдутся.

– Не волнуйся, у меня самого специалисты какие хочешь есть! – заверил его Василич.

– Верю на слово. Дальше. Сафонова без внимания оставлять нельзя, – продолжал Гуров. – Может случиться так, что он решит из города уйти, так его остановить бы надо! Но возможен и другой вариант – его захотят грохнуть, а это тоже нежелательно.

– Присмотрим, конечно, но вот кому же он мог дорогу перейти? – пожал плечами Фатеев.

– Это пока только мои предположения, но боюсь, что я недалек от истины. И вот еще что! – добавил Лев. – Срочно нужно Зайцеву соседа по палате поменять на одного из ваших бойцов – это вы уже с Тamarой решите. Будь он ходячим, попытался бы или сам сбежать, или с чьей-то помощью. Но сейчас, когда его только и можно что с помощью подъемного крана перемещать, он представляет нешуточную угрозу для тех, кто его послал. И ему постараются заткнуть рот, причем навсегда. Вот ваш боец и нужен для того, чтобы его убийство предотвратить, а киллера повязать. И запоет тогда Зайцев во весь голос! Да и камеру наблюдения нужно куда-нибудь присобачить, чтобы доказательства были.

– Понял, все сделаю! – заверил Фатеев Гурова, а потом в сердцах сказал, почти дословно процитировав Крячко: – Эх, да что же нам жить-то спокойно не дают!

Отказавшись поехать вместе с ними, генерал ушел, и они наконец-то сели ужинать. Проголодавшийся Гуров даже не ел, а, что называется, метал в себя одно блюдо за другим, а вот Саша вяло ковырялся вилкой в тарелке. Наташа с беспокойством посматривала на него, но с вопросами не приставала – знала ведь, что, когда они останутся вдвоем, он ей все расскажет. А кому же еще было рассказывать, как не ей, жене, матери его детей, а главное, другу. Женщине, которая не предаст, все поймет, посочувствует без воплей, слез, скандалов и упреков, и пожалеет – а ведь даже самым сильным мужикам иногда до боли душевной хочется, чтобы их пожалели, хотя они никогда в этом и не признаются. И Гуров снова позавидовал Сашке, потому что ничего подобного в его жизни не было – он казался Марии, как она однажды выразилась, автоматом по раскрытию преступлений, лишенным любых человеческих чувств. А ведь ему тоже порой бывало и больно, и обидно, и горько. Но понять его и по-хорошему пожалеть, не унижая его человеческого и мужского достоинства, могла бы только действительно любящая его женщина, а не Мария, которая считала его каменной стеной, за которой так уютно прятаться от жизни, а то, что этой «стене» иногда бывало плохо, она просто не замечала.

В результате таких вот невеселых размышлений, да еще наловившись от пуза, Гуров долго не мог уснуть, хотя чертовски устал. Ему казалось, что он только-только задремал, как вдруг прямо у него над ухом затрещивил сотовый, который он по привычке положил на тумбочку возле кровати. Яростным шепотом и крайне непечатно высказавшись в адрес звонившего, он взял трубку, хотя номер был ему и незнаком.

– Кулоф! Ты скасал, сто мосно сфонить ф люпое флемя, фот я и своню, – услышал он ехидный голос Тихого, который не иначе как решил отомстить ему за эту ночную прогулку, вот и не стал ждать утра. – Фстлетили мы тут отнофо китайса, только он не китаес фофсе. Нас он.

– Только одного, не двух? И что значит наш? – спросил мигом и окончательно проснувшийся Гуров.

– Отнофо, – повторил Тихий. – И он фо фсех относениях нас.

– Ты имеешь в виду, что он сидел?

– Та! Холосо сител, потому сто по фене потает лутсе, тем я.

– Как он выглядит? Сколько ему лет, цвет волос, глаз, особые приметы? Тихий! Ну, мне ли тебя учить?

– Как фыклятит, не снаю, потому сто у нефо на паске пыл папский сулок натет, фот он исталека и пыл фесь такой солтый. Пот китайса косил, и отет таксе.

– А ты не мог попросить его этот бабский чулок снять?

– Я поплосил, только он отфетил: «Не нато фам этофо снать, мусыки!», плитем таким тоном скасал, сто у фсех нас фоопсе плопало фсякое селание с ним ласкофалифать.

– Так, может, ты его голос узнал? Вдруг слышал раньше где-нибудь?

– Нет, Кулоф! Я этофо телофека не снаю. Тосно тепе кофолю! Я фсех сителых в колоте знаю, а фот ефо – нет! Плислый он!

– А ты не можешь мне сказать, судя по голосу, сколько лет ему может быть?

– Нет, он хлипло кофолит, не поймесь!

– А больше вы в городе никого не повстречали? Хулиганов каких-нибудь?

– В такую покоту холосый хосяин сапаку на улису не фыконит! Фсе тома ситят. Ты снаесь, какой сейтяс ветел? С нок стуфает! Тумана, плафта, польсе нет.

– Тихий! Ты даже не представляешь себе, какое великое дело ты сделал! – с чувством сказал Гуров. – Спасибо тебе огромное!

– Спасипо на хлеп не намасесь!

– Я найду возможность тебя отблагодарить, поверь! – пообещал ему Гуров.

Отключив телефон, он снова лег, но сна не было ни в одном глазу. То, что подростки, увидев суету каких-то людей вокруг стоявшего возле интерната автомобиля и пьянчуг у запасного выхода, не решились выйти на улицу, было понятно, но вот куда делся второй якобы китаец? Да и с первым ясности немного – то, что Тихий опознал этого человека как сиделого, который хорошо знает блатной язык, еще ни о чем не говорит. Итак, теперь уже окончательно было ясно, что китайцев изображали два русских мужика. Они специально ходили по улицам, привлекая к себе внимание хулиганов обычной для китайцев одеждой и походкой, а когда те на них нападали, избивали, но не убивали и даже тяжких телесных повреждений не наносили, короче говоря, просто учили. А началось это после нападений на Лешу и Люсю. То есть до этого они, может быть, сомневались в том, кто в первый раз напал на китайцев, а потом откуда-то получили подтверждение и решили вот таким образом навести порядок. Но почему они не обратились со своими подозрениями в полицию? Не верили ей? Допустим. Тогда они могли бы пойти напрямик к Романову, благо он, как и его тесть, от людей не прячется, и поговорить с ним может каждый. Но они и это не сделали! А эти закрытые чулками лица? Вряд ли подростки могут знать всех в этом городе. Значит, была у них причина скрывать свою внешность, то есть люди они довольно известные. А если учесть, что Батюшкины чудесным образом переместились в пространстве, но не посредством телепортации, а с помощью самого обычного, но неизвестно откуда взявшегося вертолета, еще и богатые – простым горожанам такая роскошь не по карману. И кончик той ниточки, которая приведет его к этим двум неизвестным, находился в руках детей. Значит, нужно будет постараться вызвать у них доверие, потому что их наверняка попросили молчать о том, кто им помог добраться домой, а молчать они умеют, уже проверено. С какого же боку к ним подъехать, чтобы они все рассказали? Гуров совершенно не умел обращаться и общаться с детьми, так что эта задача казалась ему практически неразрешимой. За этими размышлениями он незаметно для себя и уснул.

Окно комнаты Гурова выходило на улицу, и его разбудил звук автомобильного мотора. Выглянув, он увидел, что это уезжал Романов, несмотря на то, что было еще только около семи. Гуров понял, что Саша вряд ли спал этой ночью, вот и отправился на работу с утра пораньше, чтобы держать руку на пульсе. Решив, что уснуть больше все равно не удастся, он тоже стал собираться, тем более что туман, как и обещали, рассеялся, а значит, можно было лететь к Батюшкиным.

Завтраков наспех в этом доме никто не признавал, так что Наташа, хоть и пришлось ей для этого встать очень рано, подготовилась к нему основательно. Льву Ивановичу спешить было не надо, и он плотно поел, тем более что совершенно неизвестно, когда придется пообедать, если вообще придется. Пока он сидел за столом, Наташа куда-то позвонила, потому что, когда он собрался уходить, оказалось, что его уже ждет джип и два телохранителя, и ему оставалось только смириться с судьбой. Это не были накачанные парни двухметрового роста, у которых шея шире плеч, а просто двое невозмутимых мужчин лет тридцати пяти самой обычной внешности. Но они излучали такую спокойную силу и невозмутимость, что рядом с ними не стал бы волноваться даже параноик с манией преследования. Они посадили Гурова... Именно так, посадили, потому что демонстративно открыли перед ним правую заднюю дверцу автомо-

бия. Лев не стал спорить и залез внутрь, а потом один из них сел за руль, а второй – рядом с ним.

– Куда едем, господин полковник? – поинтересовался водитель. – Сразу в аэропорт? Вертолет уже готов.

– Нет, сначала в областное управление, – ответил Гуров.

До полиции они добрались в считанные минуты, и Лев, войдя туда, быстро решил все свои вопросы, а затем они отправились в аэропорт. Вертолет уже был готов, а за штурвалом сидел знакомый Гурову Ерофей, причем телохранители сели в вертолет вместе с ним. Поздоровавшись, Лев спросил у пилота:

– И на этот раз автомат прихватили?

– Приказ прошел, – спокойно ответил тот, и они взлетели.

– Я вижу, Федор Васильевич взялся за это дело всерьез, – заметил Гуров.

– Так мы здесь уже воевали, – просто ответил один из телохранителей.

– Ерофей, вы когда маршрут заявили? – поинтересовался Лев.

– Пять минут назад, так что не беспокойтесь, опередить нас никто не сможет, тем более что официально мы летим сейчас совсем в другом направлении, а в нужном нам никто ни вчера, ни сегодня не заявлялся. Да и вообще, все машины на месте, один только Савельев, как обычно, рано утром в Якутск своих гостей развлекаться повез, – неприязненно сказал Ерофей. – Каждое воскресенье отрываются!

– Ты чего говоришь? Они же еще в пятницу улетели, – поправил его один из охранников.

– Ну, значит, он к ним в гости полетел – уже соскучиться успел! – тем же тоном сказал пилот.

– Черт с ним! – небрежно бросил Гуров и, усмехнувшись, сказал: – Только телефонную связь еще никто не отменял.

– Господин полковник, – начал второй охранник. – Матвей Семенович велел вам кое-что передать – вдруг пригодится. Короче, Батюшкин Илья Игнатьевич, 1945 года. Его жена Анастасия Михайловна, ей сорок лет. У них двенадцать детей.

– Сколько?! – подумав, что ослышался, переспросил Гуров.

– Двенадцать, – повторил телохранитель.

– Когда же он успел? – обалдел Гуров.

– Так у них несколько двойняшек, – объяснил тот и продолжил: – Сюда он прибыл после института уже с женой и старшим сыном. Габаритами, сами увидите, он всех наших мужиков переплюнул, и обычно человек непробиваемо спокойный. Но если дело касается его семьи, тут уж берегись! Он ради нее на все, что угодно, готов. Жену и детей любит прямо-таки иступленно. Она у него до сих пор красавица необыкновенная, глаз не оторвать, а в молодости была просто сказочная царица. Вот вскоре после их приезда на прииск один хлыщ, который туда к родне погостить приехал, влюбился в нее насмерть. Начал за ней ухлестывать, просто проходу не давал. Илья об этом узнал и пошел к нему разбираться, а тот ему в глаза заявил, что не по статусу ему, простофиле, такая жена, что все равно он ее у него уведет, увезет в город, и будет она там у него жить, как королева! Слово за слово, началась драка. Хотя? Ну, какая это драка, если Илья его только один раз и ударил, но так, что тот в стенку впечатался. Отвезли его сюда в Новоленск в больницу, помереть он не помер, но на всю жизнь инвалидом остался. А хлыщ этот – племянник жены Назарова, который сейчас начальником прииска работает.

– Посадили Илью? – сочувственно спросил Гуров.

– Нет! – помотал головой охранник. – Кольцов вмешался и сказал, что такие слова он тоже ни от кого бы не стерпел. Только с тех пор жизнь у этой семьи в поселке стала не сахар, хотя и раньше спокойной не была – пришлые же. Но вот при Илье больше никто даже под страхом смерти не произнесет имена его жены и детей, потому что себе дороже – кто знает, что он вдруг за оскорбление сочтет?

– Но главным инженером он все-таки стал, – напомнил Гуров.

– Так он там один с высшим образованием, у остальных техникум и все, – объяснил тот.

– Представляю себе, какие у Батюшкина и Назарова теперь отношения, пусть даже и только рабочие, – покачал головой Гуров.

– Отношения неважные, – согласился охранник. – Но работа – есть работа.

– Ладно! Тогда я, прежде чем с детьми говорить, с ним побеседую, это мне все-таки привычнее, – сказал Лев.

– Да и безопаснее так будет, – добавил охранник.

Когда они приземлились возле поселка, Гуров попросил:

– Мужики, а посмотрите-ка вы все и здесь, и вокруг, нет ли поблизости еще одной подходящей посадочной площадки – детей-то сюда именно на вертолете доставили. Слабо я, конечно, на это надеюсь – времени-то много прошло, но чем черт не шутит? Вдруг там какие-нибудь следы остались? Окурки, обертки, другой мусор.

Ерофей и один из телохранителей обещали поискать, а Гуров и второй охранник пошли в поселок, где легко нашли дом Батюшкина. На их стук первой откликнулась, естественно, собака, а через некоторое время калитка открылась, и Гуров забыл, зачем вообще пришел, – перед ним в накинута на плечи поверх платья пуховом платке стояла женщина нереальной, сказочной красоты, которую раньше он видел только на картинах Ильи Глазунова. И то, что она была уже немолода, совсем не портило впечатления. Должно быть, она уже привыкла к тому, как на нее реагируют люди. Подождав немного в надежде, что незнакомцы очнутся и скажут, зачем пришли, она спросила сама:

– Что вам надо?

Ее глубокий, звучный голос вернул Гурова к действительности, и он словно очнулся. Откашлявшись, он объяснил:

– Нам нужен Илья Игнатьевич, он дома?

– Он с утра на прииск уехал, но его срочно в контору вызвали, – сказала она. – Он по дороге туда забежал сказать, что обедать домой зайдет. Ждите его, если хотите, но в дом не приглашаю – пересудов не люблю, а муж – особенно.

– Да мы в гости и не напрашиваемся, – ответил Гуров. – Скажите лучше, где контора находится.

– Идите прямо туда, – она повела подбородком вправо. – Рядом с магазином увидите. – И закрыла калитку еще до того, как они успели хоть слово сказать.

Гуров с телохранителем пошли к конторе, и Лев по дороге заметил:

– Видно, несладко ей приходится, если она с чужими людьми даже поговорить нормально боится, а то соседи увидят и бог знает что наплетут.

– Вот и думай после этого, так ли уж хорошо быть красивой, – заметил его спутник. – В больших городах это, может, и счастье, у нас тут скорее проклятье. И бабы за своих мужиков дрожат и на нее косятся, так что подруг у нее нет и быть не может – кто же рискнет рядом с собой такую красавицу иметь? Мужики слюной исходят, и каждый мысленно ее уже не только раздел, но и трахнул не один раз. А какой-нибудь подонок еще и скажет, чтобы похвалиться перед дружками, что переспал с ней, чего и в помине не было. А те хоть и понимают, что вранье это, но слух-то уже пошел. Так что Илье можно только посочувствовать. Будь он хоть сто раз уверен в том, что жена ему не изменяет, а на душе от этих слухов все равно погано. Вот ему только и остается, что морды бить.

– Это вряд ли! – покачал головой Лев. – Как я понял, чувство самосохранения у местных хорошо развито, так что рисковать никто не будет.

Возле конторы царило нездоровое оживление. Место было людное – магазин же рядом, и собравшаяся толпа, прильнув к окну конторы, с жадным интересом смотрела, что творилось внутри. Прислушивалась к доносившемуся до них через открытую форточку черному мату –

орал, надрываясь, какой-то мужчина. Но смысл все-таки можно было понять, и в пристойном варианте это выглядело так:

– Если твой сучонок только рот откроет, я тебя в чернорабочие переведу! Всех пособий лишу! На улицу вышибу! Со всей своей гольтьбой побираться пойдешь! Наплодил нищету! Я сейчас полицию вызову, скажу, что ты меня убить грозился, и ты в этот раз точно сядешь! А на Настю твою охотники найдутся! Недолго кобениться будет, когда в доме жрать нечего! Быстро твоя недотрога научится под чужими мужиками ноги раздвигать!

– Он же его специально провоцирует! – крикнул Гуров охраннику.

Грубо растолкав людей, они ворвались внутрь, где, сориентировавшись на крики, влетели в кабинет, но там оказался только один человек. Это был настоящий гигант, который, легко подняв письменный стол, вышибал им дверь в смежную комнату, где, видимо, и спрятался его собеседник. Но дверь, как и все в Сибири, была и сделана и навешена на совесть, так что не поддавалась, хотя и жалобно скрипела.

– Илья! Уймись! – изо всех сил заорал Гуров. – Он же тебя специально провоцировал, чтобы ты сорвался! Будь же ты умнее!

Бросив стол, именно бросив, Батюшкин повернулся к ним, и, увидев его бешеное лицо, Лев понял, что даже вдвоем с охранником они с ним вряд ли справятся – тот просто не владел собой. В наступившей тишине стало слышно, как в смежной комнате надрывался спрятавшийся там мужчина:

– Участковый, черт бы тебя побрал! Быстро в контору! Тут Илья разбушевался! Убить меня хочет! Так что стреляй на поражение! Я тебя потом отмажу, ты меня знаешь! Давай скорее, он уже дверь почти вышиб!

– Хоть не зря умру! – заорал Батюшкин, опять хватая стол.

Гуров с охранником, переглянувшись, бросились к нему и повисли у него на плечах. Они болтались на нем, как белье на веревке, а он, казалось, даже не чувствовал их веса.

– Илья! – орал Гуров. – Я полковник полиции из Москвы. Я специально прилетел сюда, чтобы поговорить с тобой! Я все слышал и знаю, что ты ни в чем не виноват! И твой сын ни в чем не виноват! Я тебе обещаю, что Кольцов мне поверит! Я ему все объясню!

То ли Батюшкину стало все-таки тяжело их на себе держать, то ли до него дошло, что кричал Гуров, но он стал вроде бы успокаиваться.

– Брось ты к черту этот стол, – попросил Лев, и тот опустил его на пол. – Ты тут и так уже разгромил все, что только можно.

– Ты точно полковник из Москвы? – спросил он Гурова.

– Он и правда полковник полиции, – подтвердил охранник. Причем и он и Лев все еще продолжали висеть на Батюшкине.

– Если ты обещаешь больше не бушевать, то я сейчас отцеплюсь от тебя, достану удостоверение и покажу. Договорились?

– Ну, показывай, – согласился Илья.

Гуров и охранник, облегченно вздохнув, встали на ноги, причем руки у обоих дрожали от напряжения, и Лев, достав из кармана удостоверение, показал его мужику. Тот его внимательно прочитал, а потом спросил:

– А чего это я самой Москве понадобился?

Ответить Гуров не успел, потому что в кабинет, точнее, в то, что от него осталось, влетел участковый. В этот пасмурный день на нем почему-то были солнцезащитные очки, и он, держа в вытянутых руках пистолет, закричал:

– Полиция! Стой! Стрелять буду!

Охранник обезоружил его раньше, чем Гуров успел моргнуть, а потом снял с того очки и, плюнув, сказал:

– Господин полковник! Может, вы знаете, где этих клоунов набирают? Нацепил черные очки и вообразил себя крутым американским копом! И это в нашей-то глухомани! Полиция, блин!

– Да это Матренин сын, он с детства с придурью, – небрежно объяснил Илья.

– Оскорбление представителя власти при исполнении им служебных обязанностей... – начал было участковый, но Гуров, выпуская скопившееся внутри напряжение, не удержался и сказал:

– Как известно, дураков не сеют, не жнут, они сами рождаются во множестве, – и спросил у Ильи: – Там Назаров за дверью отсиживается?

– Он самый, чтоб его черт побрал! – ответил тот.

Теперь, когда гигант немного успокоился и обстановка разрядилась, Гуров мог рассмотреть Батюшкина получше и увидел, что тот своей мощью, буйной русой шевелюрой, окладистой бородой с обильной сединой и большими голубыми глазами напоминал ему былинного русского богатыря.

– Да-а-а! С тебя Илью Муромца писать надо, – сказал Лев.

– Да писали уже, когда в армии служил, – буркнул тот. – От подначек и насмешек потом не отбрехаться было.

– Не надо было таким богатырем вырастать! Ладно! Давай к делу! Илья, мне бы надо с твоими детьми поговорить, – сказал Лев.

– Нет, полковник. Ты уехал и приехал, а нам здесь жить, – веско сказал Батюшкин. – Я не очень-то понял, что Женька хотел сказать – уж очень путано объяснял, но я своей семье не враг.

– Ничего! Вот он сейчас выйдет и нам все объяснит. Назаров! Я полковник полиции Гуров. Выходите! Обещаю, что вас никто не тронет! – крикнул, подойдя к двери, Лев.

– Не выйду! Откуда я знаю, кто вы! – донеслось оттуда.

– Участковый! Иди сюда! – позвал Гуров. – Вот мое удостоверение, читай вслух!

Участковый громко прочел, а потом обрадованно заявил:

– Евгений Викторович! Это действительно полковник полиции из Москвы! Выходите! Уже можно!

– Нет! – упорствовал тот. – Он этого бешеного не знает! Илюшка меня точно убьет!

– Ну, не хочет, как хочет! Значит, Илья, ты о безопасности своей семьи беспокоишься? Так я тебе ее обеспечу! – подумав, сказал Гуров и спросил у охранника: – Ты по рации с Кольцовым связаться сможешь?

– Запросто! Только работает ли? – с сомнением посмотрев на нее, сказал мужчина.

– Илья! Ты рацию не трогал? – строгим тоном, каким родители разговаривают с нашалившими детьми, спросил Лев.

– Не знаю, – смущенно буркнул тот. – Может, и задел ненароком.

Охранник проверил рацию и, выяснив, что она исправна, заколдовал над ней, в результате чего Гуров смог связаться с Кольцовым, причем по громкой связи.

– Матвей! Это Гуров! Скажи, ты очень расстроишься, если я посажу Назарова? Он такой сволочью оказался! – спросил Лев.

– Вообще-то он нормально работает, но если для дела надо, сажай! – без малейших колебаний ответил Кольцов. – У него зам есть, пусть пока дела принимает, а там видно будет!

«Господи! Какое счастье, когда люди тебе просто верят и не задают массу ненужных вопросов, заставляя обосновывать каждый твой шаг и придираясь к каждому слову», – подумал Гуров,

Тут же раздался грохот – кто-то расшвыривал наваленную в смежной комнате баррикаду, потом, матерясь во весь голос, начал дергать заклинившую дверь, в чем и преуспел, и в резуль-

тате в кабинет ввалился растерзанный и красный как рак Назаров. Причем не молча ввалился, а с истошным воплем:

– Матвей Семенович! Я ни в чем не виноват! Поклеп! Наговор! Я вам столько лет верой-правдой, как преданный пес, служил! За что?

– Знаешь, Женька! Гурову я верю как-то больше, чем тебе! – раздался голос Кольцова. – Сумеешь оправдаться – хорошо, не сумеешь – сядешь!

– Не сумеет, – подлил масла в огонь Гуров.

– А пока быстренько дела передавай и не вздумай Гурову перечить – в бараний рог скручу! – продолжил Матвей. – Иваныч! Ты его в Новоленск привезешь?

– Обязательно! И даже в наручниках, чтобы не шалил! – ответил Гуров.

– Тогда до встречи, – сказал Кольцов и отключился.

– Участковый! У тебя наручники имеются? – спросил Лев.

– Имеются, – растерянно ответил тот, уже совсем ничего не понимая.

– Вот и накинь браслетки на бывшего начальника прииска, а потом его зама позови, пусть делом занимается, – велел ему Гуров. – А я пока с детьми Ильи побеседую. Ты ведь теперь разрешишь мне с ними поговорить?

– Хороший ты человек, полковник, только в жизни ни хрена не разбираешься, – грустно усмехнулся тот. – Этого ты увезешь, а вся его семейка останется!

– Понял, переиграем ситуацию. – Гуров действительно понял, что семья Батюшкиных живет в этом поселке, как в аду, и сказал охраннику: – Свяжись-ка ты по рации с приемной губернатора.

– Так сегодня же воскресенье, – удивился тот.

– Ничего! Он на работе, – заверил его Лев.

На работе оказался не только Романов, но его секретарша Анна Павловна, которая так и продолжала трудиться в этой должности, несмотря на свои обещания уйти на пенсию.

– День добрый! Гуров беспокоит...

– Лев Иванович! Что случилось? Почему вы по рации, а не по прямому или сотовому? – встревожилась она.

– Все в порядке, так надо! – успокоил он ее. – Соедините меня с Александром Александровичем.

Через несколько минут раздался голос Романова:

– Лева! Что у тебя случилось?

– Саша! Я сейчас на прииске Кольцова, где Батюшкин работает, – сказал Гуров, как будто Саша сам это не знал. – Так вот, не разрешает мне Илья с его детьми поговорить, потому что весьма обоснованно за безопасность своей семьи опасается. Я лично слышал, как Назаров на него матом орал и предупреждал, что если только его сын рот откроет, то он Илью посадит, семью его по миру пустит, а жену – по рукам. И этими своими словами спровоцировал Илью на погром в своем кабинете. А потом вызвал участкового и приказал тому стрелять в Батюшкина на поражение, обещая отмазать. Эта сволочь считает, что он тут бог и царь в одном лице и ему все позволено, – по пунктам перечислил Лев.

– А эта гнида не слишком много на себя берет? – возмутился губернатор. – Надеюсь, ты его уже арестовал?

– Я его задержал, – поправил его Лев, – потому что уж очень мне интересно стало, кого это он так выгораживает? Для кого старается?

– Да мне тоже любопытно. А уж как Витальке это интересно! – выразительно сказал Романов и приказал: – Вези его в Новоленск!

– Саша, тут понимаешь какое дело. Илья-то обстановку в поселке лучше знает, вот и говорит, что Назарова увезут, а его семья останется. Придумай, где нам Батюшкиных поселить,

чтобы в безопасности были, пока эта история не закончится, и куда потом переселить, а то им тут все равно жить спокойно не дадут? – спросил Гуров.

– Сколько их человек? – уточнил Романов.

– Илья, сколько вас всего? – спросил Лев.

– Ну, мы с женой, четверо детей, – ответил тот и смущенно добавил: – И собака.

– Я все слышал, Лева! – отозвался Саша. – Вези всех ко мне, места хватит! Уж в губернаторском-то доме их никто не тронет! Я сейчас Наташку предупрежу, чтобы комнаты подготовила, а там что-нибудь придумаем.

– Ну, Илья? Теперь твоя душенька довольна? – спросил Гуров.

– Неудобно-то как получилось, – гигант смутился так, что даже покраснел.

– Сказал бы я тебе, что бывает неудобно, да ты и сам знаешь! Пошли собираться! – велел Лев.

Сейчас, успокоившись, Батюшкин выглядел так мирно и добродушно, что даже не верилось, что еще совсем недавно он, словно неуправляемая стихия, крушил все на своем пути. Оглядевшись, он увидел валявшуюся в углу куртку невероятных размеров, поднял ее, отряхнул и, посмотрев на закованного в наручники Назарова, совершенно серьезно сказал:

– А тебе идет!

Тот только что не взвыл, но от резких выражений воздержался. Участковый тем временем привел бледного до синевы зама, который в ужасе от всего происходящего постоянно икал и никак не мог остановиться.

– Я полагаю, ты все слышал, так что ничего объяснять не надо? – спросил Гуров, на что тот одновременно кивнул и икнул. – Принимай дела у своего бывшего начальника, только побыстрее. И не вздумай расходы на ремонт помещения повесить на господина Батюшкина! Ты их вычтешь из причитающейся гражданину Назарову зарплаты – ведь что-то за этот месяц он уже заработал. И еще! Если с домом Батюшкиных в их отсутствие хоть что-нибудь случится, хоть одна щепка пропадет, я еще и тебя посажу за компанию с Назаровым – уж очень сильно вы все мне не нравитесь! – Заместитель Назарова от ужаса тут же перестал икать, только судорожно сглотнул, подавился и мучительно закашлялся. – А вы, – он повернулся к участковому и своему охраннику, – как они закончат, отконвоируете задержанного Назарова к вертолету. Если он попытается бежать по дороге, стреляйте, не раздумывая – от того, что такая сволочь не будет больше землю топтать, людям только легче дышать станет. Все поняли?

Охранник, понимая, что это была больше игра на публику с целью устрашения Назарова, дабы привести его в пригодное для откровенной беседы состояние, просто кивнул, а вот участковый четко ответил:

– Так точно, господин полковник! Есть стрелять, не раздумывая! Только прикажите, пожалуйста, своему телохранителю, чтобы он вернул мне табельное оружие.

– Вот возле вертолета и вернет, потому что спички детям – не игрушка, – пообещал Гуров, подумав, что этот дуралей действительно от избытка усердия может выстрелить.

Гуров и Илья вышли из конторы на улицу. Сказать, что стоявшие там люди обалдели, значит промолчать. Подобного развития событий никто из них не мог предположить даже в пьяном бреду. Это что же такое должно было случиться, чтобы самого начальника прииска взяли и арестовали совершенно непонятно за что, а вот Батюшкину, который кабинет в щепки разнес, за это ничего не было? Немного в стороне от них стояла белая как мел Настя, все в том же платье, платке и в резиновых котках, как их называют в деревнях, надетых на босу ногу. Наверное, и до нее дошли слухи о том, что происходит в конторе, или она, удивленная визитом незнакомых людей, сама сюда прибежала, чтобы узнать, что случилось. Но вот то, что она все видела и слышала, было, судя по ее виду, несомненно.

– Ну и чего ты с голыми ногами? – пробурчал Илья. – Заболеешь же!

Он скинул с себя куртку, накинул ее на плечи жене, причем той она оказалась почти по шиколотки, подхватил ее на руки и быстро зашагал по улице. Стараясь не отставать, Гуров шел за ними и по дороге думал, как же бабы должны ненавидеть Настю за то, что муж к ней так относится, заботится, на руках носит, на все, что угодно, готов ради нее пойти. Да, такую любовь редко встретишь! Именно любовь, а не партнерство во имя семьи, дома, детей и материального благополучия. Вот и думай после этого, что лучше: брак по трезвому расчету и здравому смыслу или вот такая беззаветная любовь, причем взаимная, которая связывает этих людей всю их жизнь.

Когда они подходили к дому Батюшкиных, Гурову пришлось еще больше ускорить шаг, чтобы войти во двор вместе с ними – ему очень не хотелось общаться наедине со сторожившей двор собакой. Но опасался он зря, потому что это оказалась молодая лайка, грязная, но все равно настолько красивая, что больше походила на большую игрушку.

– Ты не бойся, – пробурчал Илья. – Она не злая, больше подружка для жены и детей, чем сторож – чего у нас брать-то?

Войдя в дом, Гуров огляделся: вокруг все было очень чисто, но, мягко говоря, очень небогато. Хотя, будучи главным инженером прииска, Илья, несомненно, получал немало. Но чтобы достойно содержать такое количество детей, этого было явно недостаточно, так что пособия, которых Назаров грозил лишить Илью, были нелишними.

– Присаживайся, я сейчас! – сказал ему Илья и скрылся с женой на руках в другой комнате, откуда донесся его голос: – Ты согрейся и начинай собираться. Ты же все слышала?

– Слышала, Илюшенька! – ответила ему жена. – Неудобно-то как чужих людей обременять, тем более губернатора.

– Так это ненадолго! – успокоил ее он. – А потом уедем куда-нибудь, как всегда мечтали. Вернувшись к Гурову, он начал собирать на стол, предупредив:

– Сейчас чай поставлю, тогда и поговорим.

Управился он быстро, поставил на стол блюдо с нарезанным пирогом, разлил чай и только после этого спросил:

– Так о чем ты со мной поговорить хотел?

– Илья, речь пойдет о делах неприятных, так что я прошу тебя держать себя в руках, – начал Гуров. – Скажу сразу, я знаю, что твой сын ни в чем не виноват, но мне нужно знать всю правду и об этом случае, и обо всем остальном. Молчать Дима умеет, это я уже понял, а мне нужно, чтобы он мне все откровенно рассказал, и Ольга тоже.

– Ну, то, что мои дети ни в чем не могут быть замешаны, я и без тебя знаю, – уверенно ответил тот. – Только ты объясни сначала, в чем там дело и о чем Димка молчать должен.

– Обязательно расскажу, но ты сначала скажи мне, как твои дети дома оказались, – попросил Гуров. – Поверь, это очень важно.

– Ну, 26-го днем позвонил мне почему-то с Ольгиного телефона какой-то мужик, – начал Батюшкин. – Сказал, что он из интерната, где объявили карантин и поэтому решили распустить детей по домам. Вот и привезут моих вертолетом, когда до них очередь дойдет, может, ночью, а может, утром. Ну, это практика известная, такое уже было, вот я и не удивился. Жену только предупредил, что дети возвращаются, и все. И действительно, где-то под утро я услышал, как вертолет неподалеку тарахтит. Вышел за ворота и на звук пошел, чтобы детей встретить, а тут они и сами мне навстречу бегут. А невдалеке кто-то стоял и курил – я огонек сигареты видел, наблюдал, наверное, чтобы дети нормально до дому добрались – темно же, а фонарей у нас тут нет. Потом огонек исчез, а там и вертолет улетел. Ну, дети стали дома жить, по хозяйству помогали. Друзей у них здесь нет – так уж получилось, вот они и за ворота-то не выходили. В общем, все нормально было. А сегодня утром я еще затемно на прииск уехал, а тут меня Назаров в контору дернул. Я приехал, а он передо мной только что травой-муравой не стелется, хотя на самом деле ненавидит лютой ненавистью.

– И я знаю, почему, – покивал ему Гуров.

– Тем лучше. Я сначала ничего понять не мог, смотрю на него, как баран на новые ворота. Ну, тут уж он открытым текстом мне и сказал, что влип Димка в очень нехорошую историю, и счастье великое, что никого за собой не потащил, а промолчал. Вот пусть он и дальше молчит, потому что самому ничего не будет – ему еще только тринадцать лет, а вот другие из-за его болтливости пострадать могут. А уж он мне за это и премиальные в размере оклада выпишет, и детей моих младших в санаторий отправит... Словом, наобещал мне молочных рек с кисельными берегами. Я ему сказал, что доносчиком мой сын никогда не был, но вот если кто-то все сам поймет и прямо его спросит, то он ответит, потому что врать не приучен. Ну а что было дальше, ты сам и видел, и слышал. А разговаривать со своими детьми я тебе не разрешал потому, что заместителем у Назарова работает брат его жены, так что арест своего родственника он мне не простил бы!

– Скажи, а почему вы отсюда не уехали? – удивился Гуров. – Ведь живете же, как во вражеском окружении!

– Почему «как»? – невесело усмехнулся Илья. – Только ехать нам некуда.

– Ну, к родителям Насти. Или к твоим родителям, – предложил Лев.

– Мои не примут, – усмехнулся Илья. – Я же из семьи священника. Единственный сын, а остальные девчонки. Отец хотел, чтобы я, как и все в нашем роду, по его стопам пошел, а я после армии другую стезю в жизни выбрал. Вот он мне этого и не простил.

– Но бог же заповедовал прощать, – напомнил ему Гуров. – Кому, как не священнослужителю, это знать!

– А то, что теория с практикой иногда не стыкуются, ты не слышал? – вопросом на вопрос ответил Батюшкин. – Так что я как ушел из дома, так больше туда не возвращался. Учился и работал, а летом особенно. Мы строили теплицы в одной деревне, там-то я Настю и повстречал. Посмотрел и понял, что просто умру, если она моей женой не станет. Я ей тоже понравился, потому что под юбку залезть не норовил, да и на сеновал не зазывал – воспитание другое. А у нее своя беда. Семья у них очень небогатая, а посватался за нее сынок главы районной администрации. Партия более чем завидная. Вот и просватали ее, у нее самой не спросив. А ей было лучше в омут головой, чем за него замуж, потому что сыночек этот, родителями донельзя забалованный, своими похождениями и гулянками не только на весь район, но и на всю область прославился, так что цену ему знали, но деньги! А главное, что ни парню этому, ни его родне сама Настя, девчонка деревенская, была сто лет не нужна. Он хотел перед другими выпендриться, какая у него жена писаная красавица – вот такой бзик на него нашел. Топнул ногой и заявил: «Хочу!» А его родители, видимо, понадеялись, что он, на ней женившись, уgomонится. Вот я ее, можно сказать, прямо из-под венца и увел, а остальные ребята в бригаде моей нас прикрыли. Так что к ее родне нам тоже ходу нет. После института я и подался сюда с ней и с Егором – это наш старший, – объяснил он, – потому что здесь жилье обещали. Но, даже несмотря на это, желающих забраться в такую даль все равно не нашлось. Один я таким дураком оказался.

– Почему же ты не попросил Кольцова перевести тебя на другой прииск? – продолжал расспрашивать его Гуров.

– Я обратился к нему, когда он вскоре после того случая сюда приехал. Только он ответил, что и там ничего не изменится – нечего, мол, было на такой красавице жениться. А тут, по крайней мере, все уже меня знают, второй раз не сунутся. Да и свободного жилья там не было.

– И за двадцать лет не нашлось, – помотав головой, язвительно сказал Гуров. – А где у тебя старшие дети – я слышал, что у тебя их всего двенадцать?

– Слава богу, после армии ни один в этот гадючник не вернулся. Кто в армии по контракту остался, кто просто работает и учится. Сейчас только эти четверо с нами и остались.

– Наверное, и внуки уже есть? – улыбаясь, спросил Гуров.

– Нет, никто не женился, – покачал головой Батюшкин. – Понимаешь, мечта у нас есть, на нее всей семьей деньги копим. Хотим, как наберется достаточно, уехать отсюда и дом себе настоящий, большой построить, и жить там всем вместе, да не в тесноте. А уж про то, что не в обиде, я и не говорю, этого у нас никогда не было.

– И дочки тоже не замужем? – удивился Лев.

– У нас одна дочка – Оля, – остальные парни, – ответил Илья.

– Наверное, в мать пошла? Такая же красавица? – предположил Гуров, представив себе, что увидит сейчас сказочную царевну.

– Нет! – покачал головой Илья. – Ты знаешь, о чем моя жена всегда молилась, когда беременная была? О том, чтобы дети на меня похожими рождались, а не на нее, потому что свою красоту всегда проклятием считала. И услышал бог ее молитвы, все как один моя копия.

– Но почему? Вряд ли к ней после того случая какой-нибудь мужик решился близко подойти, – удивился Лев.

– Хуже! – выразительно сказал Батюшкин. – С ними бы я разобрался. После того как племянник Назарихи – это мы здесь так жену Назарова зовем, – объяснил Илья, – в больницу попал, эта дура-баба заявила, что Настя ведьма, потому что обычная женщина такой красивой быть не может, и сама ее племянника приворожила! А в такой глухомани, где на краю поселка шаман живет, много ли людям надо, чтобы в такую ерунду поверить? Вот с тех пор все и пошло. Жену все стали ведьмой считать, только что вслед не плевали, а наших детей, соответственно, ведьминым отродьем.

– Да, вам действительно нужно отсюда уехать! И, кажется, я смогу вам в этом помочь. Не буду пока ничего говорить – вдруг не получится? Но я все-таки надеюсь на лучшее, – сказал Гуров.

– Так что там в Новоленске случилось? – вернулся к делу Илья.

– Дима по просьбе или приказу какого-то человека купил петарды, которые потом во дворы некоторых людей ночью бросили, вот одна женщина от испуга и умерла – сердце не выдержало, – рассказал Лев.

– Вот оно в чем дело, – покачал головой Батюшкин. – Об этом случае даже здесь все слышали и знают, чья жена погибла.

– Тогда ты понимаешь, что мне очень нужно поговорить с Димой и Ольгой, в твоём присутствии, конечно, – уточнил Лев. – Уж слишком много вопросов к ним у меня накопилось.

– Ну, давай попробуем. Только ты уж поаккуратнее, а то ведь сам видел, что бывает, если мою семью обижают, – предупредил Илья и позвал детей.

– Ты меня не страшай! – поморщился Гуров. – Меня за более чем тридцатилетнюю службу уж кто только и чем ни пугал, так что я мало чего в жизни боюсь.

И вот перед Гуровым уже сидели Дима с Олей, а он все не знал, как начать разговор. Потом, мысленно махнув рукой, он решил, что в такой семье дети должны взрослеть быстро, вот и нужно говорить с ними, как со взрослыми, тем более что они были ненамного ниже его ростом – точно в отца пошли.

– Ребята! Я полковник полиции из Москвы, и зовут меня Лев Иванович Гуров, – он показал им развернутое удостоверение, которое они с большим любопытством разглядели, а потом с не меньшим уставились на него самого. – Я прошу вас откровенно ответить на мои вопросы и обещаю, что ничего плохого ни с вами, ни с родными не случится. Слово офицера даю.

– А Димку в Новоленске тоже офицер полиции допрашивал, и тоже полковник, – серьезно возразила ему Ольга. – Почему же мы вам верить должны?

– Дима! Хочу тебе сразу сказать, что полковник Сафонов, который тебя допрашивал, больше в полиции не работает. Более того, против него будет возбуждено уголовное дело, так что опасаться вам нечего.

В подробности Лев предпочел не пускаться, потому что черт его знает, как Илья отреагирует на то, что этот подонок орал на его сына, держал в КПЗ, а потом отправил одного поздно вечером в интернат. Вдруг рванет в Новоленск отношения с Сафоновым выяснять?

– И кто же его оттуда вышиб при его-то связях? – удивился Илья. – Даже здесь у нас все знают, чья он родня.

– Вот мы вместе со Стрелковым его и вышибли, как ты изящно выразился, – ответил Лев и положил перед ним свой сотовый. – Вот тебе телефон, можешь позвонить в областное управление дежурному и проверить.

– Свой есть, – отмахнулся Батюшкин. – А звонить не буду, на слово офицера понадеюсь. Но смотри! Если с моими детьми чего случится, не обессудь!

– Илья! Мы уже все выяснили! Чего же повторяться? – укоризненно сказал ему Гуров и обратился к мальчику: – Дима! Скажи, пожалуйста, кто дал тебе деньги и попросил купить петарды? – Мальчишка молчал. – Дима! Назаров страшно кричал на твоего отца и грозил всеми возможными неприятностями, если только ты назовешь имя этого человека. Скажи, кого он может так яростно защищать? – Мальчишка продолжал молчать. – Мальчик, ты ведь уже, наверное, видел, что твоя мама собирает вещи. Сегодня мы все на вертолете вылетим в Новоленск, и вы будете там жить в доме губернатора до тех пор, пока вся эта история не закончится, а потом переедете на новое место, так что бояться нечего.

Но и это не произвело на Дмитрия никакого впечатления, и тут Гуров догадался. Он повернулся к Батюшкину и спросил:

– Илья! У Назарова есть дети?

– Да, сын Витька, один он у них. Редкостная мразь! – помотал головой тот. – Избалован так, что дальше некуда. Тоже в интернате живет.

– Дима! Ответь мне прямо, это был Витька? Это он попросил тебя купить петарды? – спросил Лев.

Мальчишка кивнул, а вот его сестра добавила:

– Только Витька никогда не просит, а приказывает, и его многие слушаются, потому что он богатый и, если захочет, может человеку что-нибудь купить или подарить.

– Почему же ты не отказался? – удивился Гуров.

– Ага! Мы это уже проходили, – пробурчал мальчик. – Только потом Витька своему отцу, как тогда, на меня всяких гадостей наговорит, что я, мол, его обижаю, и это папе опять боком выйдет.

– Ну, теперь Витькиной власти над тобой пришел конец, потому что его отец больше не работает начальником прииска, его уволили, – сообщил ему Гуров.

Дети застыли, невольно открыв рот и уставившись на Льва во все глаза, а потом перевели свои взгляды на отца.

– Да, Матвей Семенович его действительно уволил, а вот Лев Иванович еще и арестовал, – подтвердил он.

– А кто вместо него? – тут же спросила Ольга, с надеждой глядя на отца.

– Не я, – поняв ее взгляд, ответил тот. – Червяков дела принял.

– Хрен редьки не слаще, – вздохнул Дима. Видимо, в этой семье даже дети знали истинное положение дел на прииске.

– Да вам-то теперь какое дело? Для вас это уже прошлое, – удивился Гуров и продолжил: – Дима, ты, конечно, знаешь, что Витька и его подельники сделали с этими петардами – они забросали ими дворы некоторых людей, в результате чего жена одного из них умерла. – Мальчишка, не поднимая глаз, кивнул. – Узнав об этом, Витька испугался и велел тебе молчать, да еще и пригрозил чем-то. Именно поэтому ты и молчал, когда тебя привезли в полицию. Так дело было? – Дима снова кивнул. – Чем он тебе угрожал? – В ответ молчание. – Что он расправится с твоими братьями или сестрой?

Дети, потупившись, молчали, и только Ольга, не поднимая головы, искоса глянула на отца и снова уставилась вниз. Гуров вздохнул и попросил Батюшкина:

– Илья! Выйди, пожалуйста. Дети знают не только то, как ты их любишь, но и какой у тебя характер. Вот они и боятся при тебе говорить, потому что ты, услышав что-то оскорбительное, можешь не сдержаться и броситься разбираться с обидчиком. И в этот раз это может закончиться весьма трагично уже для тебя.

А Илья тем временем разительно изменился: только что это был, несмотря на все пережитые его семьей невзгоды, большой и добродушный дядька, а теперь он превратился в разом сжавшуюся пружину, готовую вот-вот распрямиться, и тогда пойдут клочки по закоулочкам: лицо превратилось в каменную маску, желваки ходили ходуном, а глаза сверкали холодным металлическим блеском.

– Нет уж! Я тут посижу! – решительно заявил он.

Гуров только удрученно покачал головой, но делать было нечего.

– Хорошо, оставим эту тему, хотя я уже и сам кое-что понял. Тогда скажи мне, Дима, кто еще вместе с Назаровым бросал петарды? Конечно, ты можешь не знать этого точно, но ведь какие-то предположения у тебя могут быть? Ты же лучше знаешь ситуацию в интернате, чем я. Кто входит в компанию Витьки?

– Вот пусть он их сам и выдает, – опустив голову, пробурчал мальчик.

– Дима, то, что я прошу тебя мне рассказать, это не донос. Это называется помощь следствию, – объяснил Гуров. – Вот вы прилетели сюда 27-го числа рано утром и не знаете, что произошло в городе после этого. А там разгромили музей, ударили по голове сторожа, отчего тот умер, четыре раза нападали на поздно возвращавшихся с работы китайцев, в результате чего два человека попали в больницу, пытались похитить, чтобы потом изнасиловать, дочь портного Леши.

Гуров специально не стал уточнять, что настоящее нападение было только одно, а вот в остальных трех больше пострадали сами нападавшие, да и похищение Люси тоже не удалось.

– Димка! – каким-то мертвым голосом сказал Илья. – Они тебе угрожали тем, что изнасилюют Олю? Ольга! Они с тобой что-то сделали? Отвечай! Сделали?

Произошло именно то, чего Лев так боялся: услышав о том, что кто-то угрожал его детям, Илья потерял контроль над собой и был сейчас вне себя от ярости. Гурову теперь оставалось только сидеть и ждать, когда тот успокоится.

– Папа! – закричала девочка, бросаясь ему на шею. – Они со мной ничего не сделали! Честное слово, ничего! Они же не самоубийцы! Они же знают, что ты их за это убьешь! Просто ругались и угрожали, но ничего не сделали!

– Папа! Неужели ты думаешь, что я бы это допустил? – солидно заявил Димка. – У них для этих дел свои девки есть.

Чувствуя на своей шее руки дочери, Илья начал понемногу успокаиваться, а вот Гуров очень заинтересовался последней фразой мальчика и решил, что попозже обязательно вернется к этой теме. Как ни странно, но этот инцидент пошел Льву только на пользу, потому что Батюшкин, залпом выпив остывший чай, к которому, кстати, никто за столом так и не притронулся, как и к пирогам, решительно потребовал:

– А ну рассказывайте дядя Леве все как на духу! Ольгу они тронуть побоялись, так она же там не одна девочка на весь интернат! Может, какую другую обидели! А у нее что, родителей нет? За нее никто душой не болеет?

Дети переглянулись, и Димка осторожно начал:

– Вообще-то компания у них девять человек, все дети каких-нибудь шишек. У них даже спальни свои: в одной – четыре человека, в другой – пять. У них там и телевизоры, и холодильники, и все остальное есть. Они словно на другой планете живут: хотят – ходят на уроки, не хотят – не ходят. Они и учителей не слушаются, а одна из-за них, очень молодая, даже уво-

лилась, потому что они к ней приставали и всякие гадости говорили. И все выходки им с рук сходят, потому что их родители к директору с пустыми руками не приезжают, а он подарки любит. Вот он и объясняет всем, какие они сложные дети, что у них переходный возраст и все такое, и к ним нужно быть особенно внимательными и терпеливыми. И деньги у них у всех всегда есть, вот остальные перед ними и заискивают. Крохи с барского стола подбирают.

– И девчонки? – спросил Гуров, помня слова мальчика о том, что «другие девки есть».

– Теперь да, а раньше в их компании только одна Надька Рыжая была, командовала ими, как хотела, – ответил тот.

– Это не фамилия, просто у нее цвет волос такой, а на самом деле она Артамонова, – объяснила Оля. – А зовут ее так, чтобы от других Надь отличать. У нас там есть Надя Черная, Надя Толстая, Надя Белая, а ее вот Рыжей зовут.

– У нее родители тоже какие-нибудь шишки, как вы с братом выражаетесь? – как бы между прочим спросил Гуров, на самом деле насторожившийся, услышав о цвете волос этой неизвестной пока Надьки.

– Да нет, просто... – Ольга покраснела, помолчала, а потом продолжила, осторожно подбирая слова: – Раньше она одна с ними водилась, а потом таких еще несколько девочек стало. Вот она и бесится и на всех срывается, потому что теперь на нее внимания стали меньше обращать. А она изо всех сил хочет, чтобы все было по-прежнему, вот и выделяется.

– Оленька! Ты меня прости, но я должен уточнить, чтобы быть уверенным, что я правильно тебя понял, – сказал Гуров и стал не менее осторожно, чем она, подбирать слова, что было излишним в свете присутствовавшего при разговоре Ильи. – Ты хотела сказать, что раньше одна Надька Рыжая вступала в половую связь с парнями из компании Назарова, а потом появились еще несколько девочек, которые занялись тем же, и она перестала быть центром мужского внимания? И теперь, чтобы вернуть его, она совершает разные поступки, причем, как я понял, не очень хорошие? Так?

– Да! – прошептала девочка.

– Да что ж у них там, бордель, что ли? – воскликнул побледневший как мел Илья.

– Похоже, что нравы там весьма вольные, – заметил Лев, хотя и раньше предполагал нечто подобное, потому что иначе не стал бы предлагать Тамаре провести еще и весьма специфичный осмотр девочек. – Оля, а давно эти другие девочки стали уделять такое внимание мальчикам?

– После того, как начали в секцию ходить, – сказала она.

– А ты сама ни разу там не была? – спросил Лев, и Оля отрицательно покачала головой. – А почему? Тебе это было неинтересно? Неужели даже из любопытства не заглянула?

– Сначала я туда пошел, чтобы все посмотреть, – солидно заявил Дима. – А потом Оле запретил туда ходить.

– И что же тебе там не понравилось? – поинтересовался Лев.

– Все! А Зайцев особенно! – кратко ответил мальчик.

– Странно! Обычно такие взрослые мужчины подросткам нравятся, они стремятся им подражать и все такое, – сделал вид, что удивился, Гуров.

– Вот пусть дураки им и подражают! – сердито сказал Дима. – Он, например, над якутами и эвенками смеется и называет их недоразвитым быдлом. А я знаю, что они хорошие люди, потому что у нас в интернате много их детей есть, и я с ними дружу. И китайцы тоже хорошие люди, они честно работают, и никому никакого вреда от них нет. А он говорил, что они всю Россию заполонили и гнать их надо в три шеи. А еще говорит, что люди делятся на хищников и их добычу, и чтобы в жизни чего-то добиться, надо быть сильным и беспощадным хищником, а слюнтяи так на обочине жизни и останутся. И нужно смолоду учиться быть безжалостным и давить всяких нелюдей, если хочешь чего-нибудь в жизни добиться. Только я думаю, что, если у умного человека есть совесть, он все равно никогда хищником не станет и добычу выискивать не будет. Он и без этого всего добьется!

– Мне тоже Зайцев не понравился, ненастоящий он какой-то! – добавила девочка. – Словно из телевизора вылез. А еще он противный! Масленный и липкий!

– То есть он во время уроков физкультуры излишне крепко прижимал к себе старшеклассниц? – уточнил Гуров и тут, сообразив, что он ляпнул, мгновенно повернулся к подбравшемуся, словно для броска на врага, Батюшкину и быстро сказал:

– Илья! Успокойся! Зайцева уже кто-то встретил вечером, и сейчас он лежит в больнице с переломами обеих ног и отбитыми внутренностями!

– Не перевелись еще мужики на Руси! – удовлетворенно заявил тот, и его слегка отпустило.

– Ну и бешеный же ты мужик, Илья! – вздохнул Гуров и попросил: – Дети! Вот теперь, когда вы знаете, что случилось после вашего отъезда из Новоленска, я вас очень прошу: продиктуйте мне, пожалуйста, фамилии тех, кто входит в компанию Назарова, и его прихлебателей. И прошу вас никого не пропустить, чтобы никто из этих мерзавцев не ушел от наказания. Вспомните об избитых китайцах, о разгромленном музее, об убитом стороже, о попытке похищения дочери портного, и вы поймете, что это справедливая просьба. Представьте себе, что будет, если кто-то из этих подонков останется в интернате. Кто поручится за то, что эта история не повторится?

– А директора интерната ты куда денешь? – усмехнулся Илья. – Руководство-то останется! И отольется потом моим детям их откровенность!

– А ты еще не понял, что директор и все прочие разделят судьбу Сафонова и Назарова? И я тебе за это ручаюсь! – твердо заявил Гуров. – Да даже без моей просьбы Романов пройдет по этому заведению железной метлой, и люди будут молиться о том, чтобы не сесть, а хоть где-нибудь устроиться дворниками, уборщицами или сторожами! Уж я-то его знаю!

Дети шепотом посоветовались и стали диктовать. Сначала это были фамилии из компании Назарова, потом пошли их верные и давние сподвижники, за ними вновь приобщившиеся к избранным девочки и мальчики, а завершили список все те, кто регулярно посещал секцию.

– Спасибо вам большое, ребята, – сказал Гуров и, улыбнувшись, спросил: – И еще! Ответьте мне, пожалуйста, на один вопрос: где же вы вертолет нашли, чтобы так быстро домой добраться?

– А вот об этом мы ничего говорить не будем! – решительно заявили они в один голос. – Мы обещали молчать и слово свое сдержим!

– И действительно, – поддержал их отец. – Люди доброе дело сделали, а вдруг у них из-за этого неприятности будут?

– Я вам всем обещаю, что никаких неприятностей у них не будет! Слово офицера! – заявил Лев, но дети на это только покачали головами. – Поймите, мне не нужны мелкие подробности. Просто расскажите, как все было в общих чертах, – попросил он, но с тем же успехом. – Да что мне, поклясться, что ли? – возмутился Лев. – Я готов, скажите, чем?

– У вас мама жива? – спросила Ольга.

– Ты хочешь, чтобы я поклялся жизнью своей матери? – воскликнул Гуров. – Ну, нет! Это, девочка, не пройдет! А вот своей жизнью, пожалуйста! Так вот! Чтоб я сдох, если причину этим людям хоть какие-нибудь неприятности!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.